Фергюсон — самый яркий британский историк своего поколения. **THE TIMES**

Ниал Фергюсон

Цивилизация

Чем Запад отличается от остального мира

CORPUS

Ниал Фергюсон

Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира

«Corpus (АСТ)»
2011

УДК 008(4)
ББК 71.05

Фергюсон Н.

Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира / Н. Фергюсон — «Corpus (АСТ)», 2011

ISBN 978-5-17-102035-4

В начале XV века мир заметно отличался от нынешнего. Нас поразил бы контраст между могущественной Азией и страдающей от голода, усобиц и эпидемий Европой, между анархической Северной Америкой и империями Центральной и Южной Америки. Мысль о том, будто Запад способен доминировать в мире – в военном, экономическом или в культурном отношении, – тогда показалась бы странной. Тем не менее следующие полтысячи лет западные страны задавали тон. Скандально известный британский историк восстанавливает «рецепт успеха» Запада и задается вопросом, стоит ли в наши дни говорить о его «закате».

УДК 008(4)
ББК 71.05

ISBN 978-5-17-102035-4

© Фергюсон Н., 2011
© Corpus (АСТ), 2011

Содержание

Предисловие к британскому изданию 6
Введение. Вопрос Расселаса 15
Глава 1. Конкуренция 28
Две реки 28
Евнух и единорог 33
Гонка за пряностями 37
Срединное государство 44
Глава 2. Наука 48
Осада 48
Микрография 54
Осман и Фриц 62
Путешествия эпохи Танзимата 72
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Ниал Фергюсон
Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира

© Niall Ferguson, 2011
© К. Бандуровский, перевод на русский язык под редакцией И. Кригера, 2014
© ООО “Издательство АСТ”, 2014
Издательство CORPUS ®

Посвящается Айаан

Предисловие к британскому изданию

Я пытаюсь вспомнить, где и когда я впервые задал себе тот вопрос: в 2005 году в Шанхае, гуляя по набережной Вайтань? Или в 2008 году в задымленном, пыльном Чунцине, пытаясь вслед за местным функционером-коммунистом увидеть в огромной куче щебня финансовую Мекку Юго-Западного Китая? Или это случилось в 2009 году в Карнеги-холле? Я сидел, загипнотизированный музыкой Энджел Лам – ослепительно талантливой молодой китайской композиторши, олицетворяющей "ориентализацию" классики. Да, вероятно, на исходе первого десятилетия XXi века я ясно понял: западному могуществу, длившемуся 500 лет, пришел конец.

И вот он, вопрос, кажущийся мне наиболее интересным из стоящих перед историками нового времени: почему примерно с 1500 года горстка маленьких государств на западной оконечности Евразии стала повелевать остальным миром, в том числе густонаселенными, развитыми странами Восточной Евразии? А если мы сможем найти убедительное объяснение господства Запада, то сможем ли предсказать его будущее? Действительно ли мы наблюдаем новый расцвет Востока? Неужели мы стали свидетелями конца эпохи, когда большая доля населения планеты в той или иной степени подчинялась цивилизации, возникшей в Западной Европе в эпоху Ренессанса и Реформации, движимой научной революцией и Просвещением, шагнувшей до самых островов Антиподов и достигшей вершины могущества в век революций, промышленности и империй?

Само по себе то, что возникают подобные вопросы, кое-что говорит о первом десятилетии XXi века. Я родился и вырос в Шотландии, учился в частной школе "Академия" в Глазго и в Оксфордском университете. В возрасте 20–30 лет я думал, что сделаю академическую карьеру в Оксфорде или Кембридже. Впервые я задумался о переезде в США, когда Генри Кауфман, ветеран Уолл-стрита, известный своей помощью Бизнес-школе им. Леонарда Стерна (Нью-Йоркский университет), спросил у меня: почему бы человеку, интересующемуся историей денег и власти, не отправиться туда, где средоточие денег и власти? В начале нового тысячелетия Нью-Йоркская фондовая биржа, несомненно, была сердцем глобальной экономической сети, построенной по американскому проекту и принадлежащей преимущественно Америке. "Пузырь" доткомов лопнул, а демократы из-за рецессии потеряли Белый дом как раз тогда, когда их обещание покрыть государственный долг показалось почти выполнимым. Но всего через 8 месяцев после того, как Джордж У. Буш стал президентом, произошел случай, изменивший положение Манхэттена в том мире, в котором доминирует Запад. Террористы из "Аль-Каиды", 11 сентября 2001 года разрушившие Всемирный торговый центр, сделали Нью-Йорку чудовищный комплимент. Башни ВТЦ были бы целью № 1 для любого, кто решил всерьез бросить вызов западному господству.

Дальнейшие шаги американцев были продиктованы гордыней. В Афганистане разгромили Талибан. "Ось зла" стала мишенью для насильственной "смены режима". В Ираке свергли Саддама Хусейна. "Токсичный техасец" [Джордж У. Буш], рейтинг которого взлетел, близок к переизбранию. Американская экономика приходит в норму благодаря снижению налогов. "Старая Европа", не говоря уже о либеральной Америке, кипит от бессильной злости. Очарованный всем этим, я много читал и писал об империях, в особенности об уроках, которые Британская империя может преподать Америке. Результатом стала книга "Империя" (2003)[1]. Когда я размышлял над возвышением, господством и возможным упадком Американской империи, мне стало ясно, что у нее 3 недостатка: 1) дефицит людских ресурсов (недостаточное военное присутствие в Афганистане и Ираке); 2) дефицит внимания

[1] Рус. пер.: Фергюсон Н. *Империя: чем современный мир обязан Британии.* М.: АСТ: CORPUS, 2013. – *Прим. ред.*

(недостаточное воодушевление в обществе по поводу долгосрочной оккупации завоеванных стран); 3) финансовый дефицит (сбережений недостаточно по сравнению с капиталовложениями, а доходов от налогообложения недостаточно по сравнению с государственными расходами).

В книге "Колосс: возвышение и крах Американской империи" (2004) я указывал: США незаметно для себя пришли к тому, что вынуждены опираться на восточноазиатский капитал для поддержания платежного и бюджетного баланса. Поэтому причинами упадка и разрушения неформальной Американской империи могут стать не террористы и не спонсировавшие последних "государства-изгои", а финансовый кризис в сердце империи. В конце 2006 года, когда мы с Морицем Шулариком придумали слово "Кимерика" – намек на химеру – для опасно нежизнеспособной, по нашему мнению, связи бережливого Китая и расточительной Америки, мы определили один из симптомов грядущего мирового финансового кризиса. Ведь если американским потребителям не были бы легко доступны дешевая китайская рабочая сила и дешевый китайский капитал, "пузырь" 2002–2007 годов не был бы настолько крупным.

Статус Америки как "гипердержавы" за время президентства Джорджа У. Буша был поставлен под сомнение дважды. Впервые Немезида явилась американцам на задворках Садра и в долинах Гильменда, где стали очевидны не только пределы возможностей американской армии, но и, что еще важнее, наивность неоконсерваторов, ожидавших демократического подъема на Большом Ближнем Востоке. Второй удар нанесло превращение кризиса субстандартного ипотечного кредитования (2007) в кредитный кризис (2008), в свою очередь перетекший в Великую рецессию (2009). После банкротства "Леман бразерз" ложные истины "Вашингтонского консенсуса" и "великой умеренности" (эквиваленты "конца истории" для центральных банков) были обречены на забвение. Вернулся призрак Великой депрессии.

Что пошло не так? С середины 2006 года я указывал в ряде статей и лекций, и особенно в книге "Восхождение денег" (опубликована в ноябре 2008 года[2], когда кризис был в разгаре), что основные элементы международной финансовой системы катастрофически ослаблены. В качестве причин я называл: увеличение краткосрочной задолженности на балансе банков; неверную оценку и завышение стоимости ценных бумаг, обеспеченных залогом недвижимости, других структурированных финансовых услуг; слабую кредитно-денежную политику Федеральной резервной системы; ипотечный "пузырь", появление которого имеет политическую подоплеку; неограниченную продажу фиктивных "страховых полисов" – деривативов, – якобы защищающих от неопределенности, а не от поддающихся количественному выражению рисков. Глобализация финансовых институтов западного происхождения, как предполагалось, ознаменовала начало новой эпохи снижения экономической нестабильности. Взгляд в прошлое мог бы помочь предвидеть, как старомодный кризис ликвидности может разрушить шаткое здание финансового левереджа.

Опасность повторения Великой депрессии отдалилась после лета 2009 года, хотя и не исчезла совсем. Мир, однако, переменился. Ожидалось, что коллапс мировой торговли, вызванный финансовым кризисом (тогда вдруг исчезли кредиты, необходимые для финансирования импорта и экспорта), может разрушить экономику азиатских стран: они, как считалось, зависели от экспорта на Запад. Однако в Китае было отмечено лишь некоторое замедление роста – благодаря очень эффективной государственной программе стимулирования, основанной на расширении кредита. Этого замечательного хода ожидали немногие. Несмотря на явные трудности в управлении экономикой страны с населением 1,3 миллиарда человек (будто это гигантский Сингапур), существует большая, чем сейчас (в декабре 2010

[2] Рус. пер.: Фергюсон Н. *Восхождение денег.* М.: Астрель: CORPUS, 2010. – *Прим. ред.*

года), вероятность того, что промышленная революция в Китае продолжится и что через 10 лет его ВВП сравнится с ВВП США, как в 1963 году Япония догнала Великобританию.

Предыдущие полтысячелетия Запад обладал неоспоримым преимуществом. Разрыв в доходах Запада и Китая начал проявляться уже после 1600 года и расширялся по крайней мере до конца 70-х годов XX века. С тех пор он удивительно быстро сокращается. Финансовый кризис побуждает меня сформулировать вопрос: есть ли предел могуществу Запада?

Теперь поговорим о методологии истории. (Нетерпеливые читатели могут перейти прямо к "Введению".) У меня твердое впечатление, что наши современники мало обращаются к покойникам. Я гляжу, как растут трое моих детей, и мне кажется, что они знают историю хуже, чем я в их возрасте, – но не потому, что у них плохие учителя, а из-за плохих учебников и еще худших экзаменов. Когда я наблюдал за течением финансового кризиса, я понял, что это тенденция: лишь горстка сотрудников западных банков и министерств финансов имеет сравнительно ясное представление о Великой депрессии (1929–1933). Уже около 30 лет в западных школах и университетах дают гуманитарное образование, не предполагающее знания истории. Школьники и студенты изучают "модули", а не исторический нарратив, тем более не хронологию. Их учат шаблонному анализу выдержек из документов, а не умению читать много и быстро. От них ждут сочувствия к воображаемым римским центурионам или жертвам Холокоста, а не рассуждений о том, почему и как те попали в соответствующие обстоятельства. Сценарист "Любителей истории" (*The History Boys*) Алан Беннетт предложил "трилемму": следует ли преподавать историю методом рассуждений от противного, или связывать ее с Истиной и Красотой прошлого, или представлять ее просто как "одну херню, случавшуюся за другой"? Беннетт, очевидно, не понимал, что нынешним школьникам предлагают из вышеупомянутого в лучшем случае разрозненный набор этой самой "херни".

Прежний президент университета, в котором я преподавал, однажды признался, что, когда он был студентом Массачусетского технологического института, мать попросила его записаться по крайней мере на один курс истории. Блестящий молодой экономист ответил, что сильнее интересуется будущим. Теперь он понимает, что это иллюзия. Нет "будущего" – есть лишь "будущие". Существуют различные интерпретации истории, и ни одна из них не является единственно верной. А вот прошлое у нас одно, и без него невозможно понять настоящее, а также будущее. Тому есть две причины. Во-первых, нынешнее население мира составляет около 7 % когда-либо живших на планете людей. Иными словами, мертвые превосходят живых в пропорции 14: 1, и опасно игнорировать их опыт. Во-вторых, прошлое – единственный надежный источник знаний о мимолетном настоящем и многочисленных сценариях будущего, лишь один из которых реализуется. История – не только то, как мы изучаем прошлое, но и то, как мы изучаем само время.

Историки – не ученые. Они не могут (и не должны даже пытаться) выводить универсальные законы социальной или политической "физики", обладающие надежной предсказательной силой. Почему? Да потому, что нет возможности повторить многотысячелетний "эксперимент" человечества. "Частицы" в этом громадном эксперименте обладают сознанием, притом подверженном когнитивному искажению, то есть их поведение предсказать труднее, чем поведение неодушевленных подвижных частиц. Среди странностей жизни есть и такая: люди со временем научились почти инстинктивно учитывать свой опыт. Их поведение адаптивно. Мы не блуждаем беспорядочно, а идем проторенной дорогой, и то, с чем мы столкнулись прежде, определяет наш выбор в будущем, когда мы оказываемся на развилке. Это происходит снова и снова.

А что *могут* историки? Во-первых, подражая обществоведам и полагаясь на количественные данные, они могут вывести "общие законы", которые, согласно Карлу Гемпелю,

объясняют большинство исторических событий (например, если место демократического лидера занимает диктатор, то увеличивается вероятность того, что данная страна развяжет войну). Или же историк может "общаться с мертвыми", реконструируя их опыт так, как описал великий оксфордский философ Робин Дж. Коллингвуд в своей "Автобиографии" (1939). Два указанных метода исторического познания позволяют нам превращать реликты прошлого в историю: совокупность знаний и интерпретацию, ретроспективно упорядочивающую и объясняющую ситуации, в которые попадал человек. Любое серьезное прогностическое высказывание, в справедливости которого мы можем убедиться на опыте, неявно или явно основано на одном из этих двух (или обоих сразу) исторических методах. В противном случае его следует поставить в один ряд с гороскопом в утренней газете.

Коллингвуд, после бойни Первой мировой войны разочаровавшийся в естествознании и психологии, желал создать историю нового типа. Он отверг метод "ножниц и клея", при котором автор лишь повторяет "в различной аранжировке, пользуясь декорами разных стилей, то, что сказано до него другими". Ход мысли Коллингвуда достоин реконструкции[3].

а) "Прошлое, которое изучает историк, является не мертвым прошлым, а прошлым, в некотором смысле все еще живущим в настоящем" в форме следов (документов и артефактов).

б) "Вся история представляет собой историю мысли" в том смысле, что объекты, если не может быть установлено их назначение, не могут служить историческими свидетельствами.

в) Реконструкция требует прыжка сквозь время: "Историческое знание – воспроизведение в уме историка мысли, историю которой он изучает".

г) При этом "историческое знание – это воспроизведение прошлой мысли, окруженной оболочкой и данной в контексте мыслей настоящего. Они, противореча ей, удерживают ее в плоскости, отличной от их собственной".

д) Историк "может принести очень большую пользу неисторику, как хорошо обученный лесник невежественному путнику.

Здесь ничего нет, кроме деревьев и травы', – думает путник, и продолжает идти. 'Взгляни-ка, – говорит лесник, – там в зарослях тигр'". Другими словами, история предлагает нечто "совершенно отличное от [научных] правил, а именно внутреннее проникновение в явление".

е) Истинная функция исторического "внутреннего проникновения в явление" заключается в том, чтобы "говорить людям о настоящем постольку, поскольку прошлое, очевидный предмет истории, скрыто в настоящем и представляет собой его часть, не сразу заметную для нетренированного глаза".

ж) Что касается выбора нами предмета исторического исследования, то Коллингвуд считает, что нет ничего плохого в том, что его современник из Кембриджа Герберт Баттерфилд осудил как "озабоченность настоящим": истинные "исторические проблемы связаны с практическими проблемами. Мы изучаем историю для того, чтобы нам стала ясней та ситуация, в которой нам предстоит действовать. Следовательно, плоскость, где, в конечном счете, возникают все проблемы, оказывается плоскостью 'реальной' жизни, а история – это та плоскость, на которую они проецируются для своего решения".

Коллингвуд – знаток и археологии, и философии, решительный противник политики умиротворения [Гитлера] и ненавистник "Дейли мейл"[4], – много лет был моим поводырем.

---

[3] Пер. Ю. Асеева. – *Прим. пер.*

[4] Коллингвуд называл ее "первой английской газетой, для которой слово 'новости' утратило прежнее свое значение – фактов, которые следует узнать читателю… и приобрело новое значение – фактов или выдумок, которые могли бы развлечь читателя".

Но никогда я не нуждался в его руководстве так остро, как во время сочинения этой книги. Ведь вопрос о причинах краха цивилизаций слишком важен, чтобы оставлять его мастерам "ножниц и клея". Это практическая проблема нашего времени, и я хочу, чтобы моя книга стала справочником лесника: ведь в этих зарослях множество тигров.

Реконструируя мысль прошлого, я старался помнить то, о чем склонны забывать люди, плохо знающие историю: большинство наших предшественников умерли молодыми либо ждали, что умрут молодыми, а те, кто прожил дольше, не раз теряли любимых. Мой любимый поэт Джон Донн, гений эпохи Якова I, прожил 59 лет (на 13 лет больше, чем мне сейчас). Адвокат, член парламента и (после отречения от католической веры) англиканский священник, Донн по любви (и тайно) женился на племяннице лорда-хранителя королевской печати Томаса Эджертона, чьим секретарем состоял. И после того, как тайна была раскрыта, потерял эту должность[5]. За 16 лет жизни в нищете Анна Донн родила 12 детей (трое – Фрэнсис, Николас и Мэри – умерли, не достигнув возраста 10 лет) и умерла родами (последний, двенадцатый, ребенок родился мертвым). После того, как умерла Люси, любимая дочь поэта, а сам он едва не последовал за нею в могилу, Донн написал "Обращения к Господу в час нужды и бедствий" (1624): "Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством. А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе"[6]. Три года спустя смерть близкого друга вдохновила Донна на сочинение "Вечерни в день Св. Люции, самый короткий день в году":

Влюбленные, в меня всмотритесь вы
В грядущем веке – в будущей весне:
Я мертв. И эту смерть во мне
Творит алхимия любви;
Она ведь в свой черед –
Из ничего все вещи создает:
Из тусклости, отсутствия, пустот…
Разъят я был. Но, вновь меня создав,
Смерть, бездна, тьма сложились в мой состав[7].

Эти строки следует прочесть всякому, кто желает знать, как жилось во времена, когда продолжительность жизни была более чем вдвое меньше нынешней.

Смерть могла забрать человека в расцвете сил, и мысль эта отравляла существование. Это означало также, что большинство "строителей цивилизаций" в пору своих свершений были молодыми. Великий голландско-еврейский философ Спиноза (предположивший, что существует лишь вселенная, состоящая из материальной субстанции и связанная причинной обусловленностью, а Бог – это естественный порядок, который мы смутно ощущаем, и ничего больше) умер в 1677 году в возрасте 44 лет – вероятно, от пыли, которую вдыхал, шлифуя оптические линзы (так он зарабатывал на жизнь). Блез Паскаль – основоположник теории вероятностей и гидродинамики, автор "Мыслей", величайшей из апологий христианства, – прожил 39 лет (он мог погибнуть и раньше, если бы дорожное происшествие, которое вновь пробудило у него интерес к религии, оказалось фатальным[8]). Кто знает, какие еще великие дела могли свершить эти гении, если бы они прожили столько же, сколько, напри-

[5] После того, как Донн побывал в заключении за то, что он бросил вызов ее отцу, она заметила: "Джон Донн – Анна Донн – погублены". [Пример омонимии: *Anne Donne – Un-done. – Прим. пер.*] Неудивительно, что он любил ее.

[6] Пер. А. Нестерова. – *Прим. пер.*

[7] Пер. Д. Щедровицкого. – *Прим. пер.*

[8] В ноябре 1654 года экипаж, в котором ехал Паскаль, чудом не упал с моста в реку. – *Прим. пер.*

мер, великие гуманисты Эразм Роттердамский (69 лет) или Монтень (59 лет)? Моцарт, автор "Дон Жуана" – прекраснейшей из опер, – умер в возрасте 35 лет. Франц Шуберт, сочинивший потрясающий струнный квинтет до мажор (*D*956), погиб (вероятно, от сифилиса) в 31 год. Они были плодовитыми авторами, однако можно только гадать, что еще они сочинили бы, если бы им были отпущены 63 года, которые прожил вялый Иоганнес Брамс, или 72 года, доставшиеся тяжеловесному Антону Брукнеру? Шотландский поэт Роберт Бернс, в "Честной бедности" лучше всех сумевший выразить идею эгалитаризма, умер в 1796 году в возрасте 37 лет. Какая несправедливость: поэта, сильнее всех презиравшего родовые почести ("Богатство – // Штамп на золотом, // А золотой – // Мы сами!"[9]), пережил поэт, которого почести действительно заботили – лорд Альфред Теннисон. Он умер в возрасте 83 лет. "Золотая сокровищница" Пэлгрейва[10] была бы куда лучше, если бы в ней было побольше Бернса и поменьше Теннисона. А как картинные галереи отличались бы от нынешних, если бы сверхстарательный Ян Вермеер прожил 91 год, как сверхплодовитый Пабло Пикассо, а тот, напротив, умер в 39 лет!

Политика – тоже своего рода искусство. Это ничуть не менее важная часть цивилизации, чем философия, опера, поэзия или живопись. Но, заметим, Авраам Линкольн – величайший американский автор политики – пал жертвой обуреваемого мелкой злобой убийцы, проработав всего один срок в Белом доме, спустя 6 недель после второй инаугурационной речи. Ему было 56 лет. Какой стала бы эпоха Реконструкции, если бы автор Геттисбергской речи, этот создавший себя титан, родившийся в бревенчатой хижине (и определивший американцев как "нацию, своим рождением обязанную свободе и посвятившую себя доказательству того, что все люди рождены равными", с "правительством из народа, созданным народом и для народа"), прожил бы столько же, сколько Франклин Д. Рузвельт – игрок в поло, а после разбитый полиомиелитом сановник, который благодаря медикам исполнял президентские обязанности почти 4 срока – до своей смерти в возрасте 63 лет?

Поскольку наша жизнь сильно отличается от жизни большинства людей прошлого (не только продолжительностью, но и ком фортом), нам придется напрячь воображение, чтобы научиться понимать их. В книге великого экономиста и обществоведа Адама Смита "Теория моральных чувств", написанной за полтора века до автобиографии Коллингвуда, приводится объяснение, почему в цивилизованном обществе нет "войны всех против всех":

Так как никакое непосредственное наблюдение не в силах познакомить нас с тем, что чувствуют другие люди, то мы и не можем составить себе понятия об их ощущениях иначе, как представив себя в их положении. Вообразим, что такой же человек, как и мы, вздернут на дыбу – чувства наши никогда не доставили бы нам понятия о том, что он страдает, если бы мы не знали ничего другого, кроме своего благого состояния. Чувства наши ни в коем случае не могут представить нам ничего, кроме того, что есть в нас самих, поэтому только посредством воображения мы сможем представить себе ощущения этого страдающего человека. Но и само воображение доставляет нам это понятие только потому, что при его содействии мы представляем себе, что бы мы испытывали на его месте. Оно предупреждает нас в таком случае об ощущениях, которые родились бы в нас, а не о тех, которые испытываются им. Оно переносит нас в его положение[11].

Конечно, именно это, по Коллингвуду, историк и должен делать. И мне хотелось бы, чтобы мой читатель поступал так же. Очень важно понять, что привело эту цивилизацию к удивительному процветанию, влиянию и могуществу. Однако понять это невозможно без симпатии. Это еще труднее сделать, если приходится восстанавливать мысли людей, при-

[9] Пер. С. Маршака. – *Прим. пер.*

[10] Популярная антология английской поэзии (1861). – *Прим. пер.*

[11] Пер. П. Бибикова в ред. А. Грязнова. – *Прим. пер.*

надлежащих к другим цивилизациям, покоренных Западом или подчиненных ему: ведь они столь же важные действующие лица драмы. Это не история Запада, а история мира.

В словарной статье 1959 года французский историк Фернан Бродель определил цивилизацию так:

Прежде всего, это пространство, "культурный ареал"… место. Наряду с местом… следует представить себе большое разнообразие "материальных благ", культурных характеристик, начиная с облика жилищ, материалов, из которых они построены, и кровли, до приемов, например оперения стрел, или диалекта (группы диалектов), кулинарных вкусов, специфической технологии, структуры верований, способов заниматься любовью… компаса, бумаги, печатного станка. Это – устойчивая совокупность, частота, с которой проявляются отдельные характеристики, их распространенность в пределах конкретной области [и] … некоторое постоянство во времени.

Броделю лучше давалось описание структур, чем объяснение перемен. В наши дни говорят, что историки должны *рассказывать*. Эта книга представляет собой большую историю (метатекст о том, почему одна цивилизация, в отличие от предыдущих, преодолела все преграды) и в ее рамках множество малых историй – микроисторий. Однако возрождение искусства нарратива – лишь часть того, что нам необходимо. Важно задавать вопросы. "Почему Запад стал владычествовать над остальным миром?" – вот вопрос, который требует чего-то большего, нежели просто изложения событий. Объяснение должно быть развернутым, подкрепленным фактами и выдерживать проверку вопросом: если бы Запад не имел указанных преимуществ, то правил бы он миром в силу какой-либо иной причины (которую я упустил из виду или недооценил)? Или мир оказался бы совершенно другим, с Китаем или какой-либо иной цивилизацией в роли лидера? Не стоит заблуждаться, будто исторические нарративы есть нечто большее, нежели подтасовка, сделанная задним числом. Нашим предкам западное господство отнюдь не казалось вероятнейшим из сценариев будущего. Исторические деятели рисовали себе картины разгрома чаще, чем хеппи-энд, известный современному читателю. История как жизненный опыт гораздо сильнее похожа на шахматную партию, чем на роман, и на футбол, чем на пьесу.

Ни один серьезный автор не станет утверждать, что поведение Запада было безупречным. Впрочем, кое-кто настаивает, будто он не принес *вообще ничего* хорошего. Это, конечно, абсурд. Как и все великие цивилизация, западная была двуликой: способной и на благородство, и на низость. Возможно, лучшая аналогия – двое враждующих братьев в "Частных записках и признаниях оправданного грешника" Джеймса Хогга (1824) или во "Владетеле Баллантрэ" Роберта Л. Стивенсона (1889). Конкуренция и монополия, наука и суеверие, свобода и рабство, лечение и убийство, упорный труд и безделье: в каждом из этих случаев Запад порождал как благо, так и зло. Только, как в романах Хогга или Стивенсона, в конечном счете преуспевал лучший из двух братьев. Кроме того, нам нужно удерживаться от искушения пожалеть тех, кто проиграл. У цивилизаций, разгромленных Западом или преобразованных им посредством добровольных либо вынужденных заимствований, были недостатки. Самый очевидный – эти цивилизации не были способны обеспечить сколько-нибудь устойчивый материальный прогресс качества жизни людей. Трудность в том, что мы не всегда можем реконструировать ход мыслей этих незападных народов: не у всех была письменность. В конце концов, история – это прежде всего изучение цивилизаций, потому что в отсутствие письменных источников историк вынужден обращаться лишь к наконечникам копий и осколкам горшков, а они могут поведать очень немногое.

Французский историк и государственный деятель Франсуа Гизо сказал, что историю следует рассматривать "только как собрание материалов, подобранных для великой истории цивилизации рода человеческого". Она должна перейти многочисленные границы, воз-

двигнутые учеными с их навязчивым стремлением к специализации: между экономической историей и историей социальной, военной историей, историей культуры, идей, политических учений, дипломатии. История цивилизации охватывает огромный массив времени и пространства, но книги, подобные этой, никак не могут заменить энциклопедии. Тем, кто будет жаловаться на неполноту изложения, я могу лишь процитировать джазового пианиста Телониуса Монка: “Не играйте всё (или всякий раз), позволяйте чему-нибудь ускользать… То, что вы не сыграете, может оказаться важнее, чем то, что сыграете”. Я согласен с ним и опускаю в книге много “нот” и “аккордов” – по вполне определенной причине. Отражает ли мой выбор взгляды шотландца средних лет, типичного бенефициара западного господства? Вполне возможно. Но я лелею надежду, что к моему выбору не отнесутся неодобрительно наиболее горячие и яркие защитники западных ценностей, этническое происхождение которых отличается от моего – от Амартии Сена до Лю Сяобо, от Эрнандо де Сото до той, кому посвящена эта книга[12].

Книга, описывающая 600 лет всемирной истории, – непременно плод усилий многих людей, и я должен поблагодарить их за помощь. Я признателен сотрудникам следующих архивов, библиотек и учреждений: музея Альбера Кана, Бриджменской библиотеки по искусству, Британской библиотеки, Чарлстонского библиотечного общества, Национальной библиотеки Китая (Пекин), “Корбис”, Института им. Пастера (Дакар), Немецкого исторического музея (Берлин), Тайного государственного архива Фонда прусского культурного наследия (Берлин, Далем), “Гетти имиджес”, Гринвичской обсерватории, Музея военной истории (Вена), Национальной библиотеки Ирландии, Библиотеки Конгресса США, Музея истории Миссури, Музея Шмен-де-Дам, Музея золота (Лима), Национального архива (Лондон), Национального морского музея (Лондон), Османского архива (Стамбул), “Пи-эй фото”, Музея археологии и этнографии им. Пибоди (Гарвард), Национального архива Сенегала (Дакар), Исторического общества Южной Каролины, Школы восточных и африканских исследований [Лондонского университета], библиотеки Сулей мание и, конечно, несравненной Уайднеровской библиотеки (Гарвард). Было бы неверно не прибавить несколько слов в адрес “Гугла” (славный ресурс для ускорения исторических изысканий), а также облегчающих задачу историка “Квестии” и “Википедии”.

В ходе изысканий я получил неоценимую помощь от Сары Уоллингтон, Даниэля Лансберг-Родригеса, Мэнни Ринкон-Круса, Джейсона Рокетта и Джека Суня.

Как и прежние мои книги, эта опубликована по обе стороны Атлантики издательством “Пенгвин”. Текст отредактировали с обычным мастерством и воодушевлением Саймон Уиндер (Лондон) и Энн Годофф (Нью-Йорк). Несравненный Питер Джеймс сделал нечто большее, чем просто отформатировал текст. Я также благодарю Ричарда Дугуда, Рози Глейшер, Стефана Макграта, Джона Мэкинсона и Пен Воглер, а также всех, кого нет возможности здесь упомянуть.

Подобно 4 из 5 моих последних книг, “Цивилизация” создавалась и как книга, и как телесериал. Ральф Ли и Саймон Бертон (Четвертый канал) не позволяли мне излагать слишком глубокомысленные (или просто невнятные) мысли. Ни телесериала, ни книги не вышло бы без выдающейся команды “Кимерика медиа”: “короля операторов” Девалда Окемы, Джеймса Эванса (помощник режиссера второй и пятой серий), архивиста Элисон Макаллан, Сюзанны Прайс (продюсер четвертой серии), Джеймса Ранси (режиссер второй и пятой серий), директора Вивьен Стил, Шарлотты Уилкинс (помощник режиссера третьей и четвертой серий). Ключевую роль в проекте на начальной стадии сыграла Джоанна Поттс. Крис Опеншоу, Макс Х. Уильямс, Грант Лоусон и Аррик Мори умело провели съемки в Англии и

[12] Айаан Хирси Али – политик, жена Ниала Фергюсона. – *Прим. пер.*

Франции. Благодаря терпению и великодушию коллег по “Кимерика медиа” Мелани Фол и Эдриен Пеннинк мы по-прежнему неплохая реклама для триумвирата как формы правления. Мой друг Крис Уилсон следил за тем, чтобы я не опаздывал на самолет.

Ассистенты, помогавшие снимать сериал, помогли и с изысканиями для книги. Я благодарен за это Манфреду Андерсону, Хадидиату Ба, Лилиан Чэнь, Терезе Хорской, Петру Янде, Вольфгангу Кнопфлеру, Деборе Маклохлан, Матиасу де Са Морейре, Дейзи Ньютон-Данн, Жозе Коуту Ногейре, Левенту Озтекину и Эрнсту Фоглю.

Я также хочу поблагодарить людей, у которых взял интервью, особенно Гонзало де Альягу, Нихаль Бенгису Караджа, Джона Линделла, Мика Роусона, Райана Сквибба, Ивана Тушку, Штефана Волле, Чжан Ханьпина и – последних по счету, но не по важности, – учеников Школы им. Роберта Клака в Дагенхэме.

Мне чрезвычайно повезло заполучить лучшего в мире литературного агента Эндрю Уайли и его коллегу в царстве британского телевидения Сью Айтон. Я благодарен также Скотту Мойерсу, Джеймсу Паллену и всем другим сотрудникам в лондонских и нью-йоркских офисах агентства Уайли.

Многие выдающиеся историки, а также бывшие и нынешние мои друзья и ученики великодушно читали рукопись или ее части: Рави Абделаль, Айаан Хирси Али, Брайан Авербух, Пьерпаоло Барбьери, Джереми Катто, Дж. К. Д. Кларк, Джеймс Эсдейл, Кэмпбелл Фергюсон, Мартен Жак, Майя Ясанофф, Джоанна Льюис, Чарльз Майер, Хасан Малик, Ноэль Маурер, Йан Моррис, Чарльз Мюррей, Альдо Мусаккьо, Глен О’Хара, Стивен Пинкер, Кен Рогофф, Эмма Ротшильд, Алекс Уотсон, Арне Вестад, Джон Вон и Джереми Йеллен, а также Филип Хоффман, Эндрю Робертс и Роберт Уилкинсон. Все оставшиеся незамеченными ошибки – на моей совести.

В Оксфордском университете я хотел бы поблагодарить главу и сотрудников колледжа Крайст-Черч, их коллег из Ориэл-колледжа, работников Бодлианской библиотеки, а в Гуверовском институте (Стэнфорд) – директора Джона Рейзиена и его прекрасных сотрудников. Эта книга была закончена в центре *IDEAS* Лондонской школы экономики, где меня, профессора кафедры им. Филипа Ромена в 2010/11 учебном году, окружали заботой. Но более всего я обязан гарвардским коллегам. Понадобилось бы слишком много места, чтобы поблагодарить каждого сотрудника исторического факультета Гарварда, и я позволю себе обратиться ко всему коллективу разом: эту книгу я, вероятно, не написал бы без вашей поддержки, ободрения и вдохновения. То же самое я могу повторить и коллегам из Гарвардской школы бизнеса (особенно с Отделения бизнеса, государственного управления и международной экономики), а также из Центра европейских исследований. Благодарю друзей из Центра международных отношений им. Везерхеда, Центра науки и международных отношений им. Белфера, с семинара по экономической истории и из Лоуэлл-хауса. Я благодарен студентам с обоих берегов реки Чарлз, особенно посещавшим мои лекции в рамках общеобразовательного курса “Общества мира”. Замысел этой книги родился в вашем присутствии. Мне очень помогли ваши работы и замечания.

Наконец, я выражаю самое глубокое признание семье, особенно родителям и детям – Феликсу, Фрейе и Лохлану, – которым я уделял так мало внимания, а также их матери Сьюзан и многочисленной родне. Во многом я сочинил эту книгу для вас, дети.

Однако посвящена она той женщине, кто лучше всех, кого я знаю, понимает, что действительно значит западная цивилизация и что она может предложить миру.

Лондон, декабрь 2010 года

Введение. Вопрос Расселаса

[В четвертом издании словаря] он [Сэмюэль Джонсон] не упомянул слово "цивилизация" – только "цивилизованность". Несмотря на свое огромное уважение к нему, я думаю, что "цивилизация" (от глагола "цивилизовать") лучше противопоставлена по смыслу "варварству", нежели "цивилизованность".
Джеймс Босуэлл

Все определения цивилизации… относятся к конструкциям типа: "я цивилизованный человек", "вы принадлежите к культуре", "он – варвар".
Фелипе Фернандес-Арместо

Кеннет Кларк, давший свое определение цивилизации в телесериале с тем же названием, не оставил зрителям сомнений, что ведет речь о *западной* цивилизации, прежде всего об искусстве и архитектуре Западной Европы от средних веков до XIX столетия. В первом из 13 фильмов, снятых для Би-би-си, Кларк вежливо, но твердо проигнорировал византийскую Равенну, кельтские Гебридские острова, Норвегию викингов и даже Ахен Карла Великого. "Темные века" между падением Рима и началом Ренессанса (xii век) Кларк вообще не посчитал "цивилизацией": она вернулась лишь с возведением Шартрского собора (освященного, хотя и не достроенного, в 1260 году) и стала выказывать признаки утомления со времени сооружения манхэттенских небоскребов.

Невероятно популярный сериал Кларка, впервые показанный в Великобритании тогда, когда мне было пять лет, предопределил значение цивилизации для целого поколения жителей англоязычных стран. Замки Луары были *цивилизацией*. Флорентийские палаццо были *цивилизацией*. Сикстинская капелла была *цивилизацией*. Версаль был *цивилизацией*. Переходя от сдержанных интерьеров Голландской республики к кипучим фасадам барокко, Кларк демонстрировал свою мощь как историка искусства. Временами он апеллировал к музыке и литературе, иногда упоминая политику и даже экономику.

Но сутью цивилизации для Кларка, несомненно, являлась визуальная высокая культура. Его героями были Микеланджело, да Винчи, Дюрер, Констебль, Тернер, Делакруа[13].

Нужно отдать Кларку должное: его сериал носил подзаголовок "Личный взгляд". И он подозревал, что "дохристианская эпоха и Восток" в некотором смысле были нецивилизованными. Это соображение было спорным уже в 1969 году. Сейчас, спустя четыре десятилетия, с взглядами Кларка, будь они личными или какими бы то ни было еще, жить гораздо труднее (я не говорю о его несколько раздражающем в наши дни высокомерии). Я придерживаюсь более широкого взгляда и предпочту показаться скорее приземленным и неприличным, чем высокомерным и властным. Мое представление о цивилизации включает сточные трубы в той же мере, что и аркбутаны (а может, и в большей: без водопровода и канализации города становятся опасными, реки и колодцы превращаются в рассадники холеры). Меня интересует и цена произведения искусства, и его культурная ценность. По моему мнению, цивилизация гораздо шире, нежели содержимое нескольких известных галерей. Цивилизация – это в высшей степени сложная социальная организация. Допускаю, что картины, статуи и здания представляют собой наиболее очевидные ее достижения, однако они непонятны без

[13] Clark *Civilisation*.

некоторого знания об экономических, социальных и политических институтах, задумавших, оплативших и воплотивших создание картин, статуй и зданий – и сохранивших их для нас.

"Цивилизация" – французское слово. Впервые его употребил экономист Анн Робер Жак Тюрго в 1752 году, а в печати оно появилось четыре года спустя благодаря Виктору Рикети, маркизу де Мирабо (отцу великого революционера)[14]. Сэмюэль Джонсон не принял неологизм, предпочтя ему "цивилизованность". По мнению Джонсона, антонимом дикости была "культурная" (хотя порой очень грубая) жизнь, которой он наслаждался в Лондоне. Средоточие цивилизации – городские поселения, и в разных отношениях именно они главные персонажи моей книги[15]. Но законы города (гражданские и остальные) столь же важны, как и его стены, а нравы и уклад его жителей ничуть не менее существенны, чем его дворцы[16]. Цивилизация – это и научные лаборатории, и мансарды художников, и вопросы землевладения, и пейзажи. Успех цивилизации измеряется не только ее эстетическими достижениями, но и – это гораздо важнее – продолжительностью и качеством жизни людей. У качества жизни много измерений, и не всегда легко определить их количественно. Мы можем оценить доход на душу населения в XV веке или среднюю продолжительность жизни в то время. Но что мы можем сказать о комфорте? О чистоте? О счастье? Сколько предметов одежды имели люди той эпохи? Сколько часов в день должны были работать? Какую пищу могли купить на заработанные деньги? Произведения искусства могут дать нам лишь намеки, но не точные ответы.

При этом ясно, что цивилизация – это не только город. Цивилизация – крупнейшая единица социальной организации (более крупная, хотя и менее четко определяемая, чем империя). Цивилизации – отчасти практические ответы людей на вызовы окружающей среды – потребности в пище, воде, защите, – но не только. В их основе лежит культурная, религиозная и языковая (нередко, но не всегда) общность[17]. Цивилизаций не так уж много, но и немало. Кэрролл Куигли насчитал две дюжины цивилизаций в последние 10 тысяч лет[18]. Ада Бозман до начала нового времени выделила 5: западную, индийскую, китайскую, византийскую и мусульманскую[19]. Мэттью Мелко насчитал целых 12: 7 уже погибли (месопотамская, египетская, критская, античная, византийская, мезоамериканская, андская), а 5 еще нет (китайская, японская, индийская, исламская, западная)[20]. Шмуэль Эйзенштадт выделил 6, введя в клуб цивилизаций иудейскую[21]. Взаимодействие немногочисленных цивилизаций друг с другом и с окружающей средой – один из важнейших факторов исторических изменений[22]. Самое удивительное здесь то, что цивилизации, несмотря на влияние извне, остаются верны себе очень долгое время. Фернан Бродель заметил, что "жизнь цивилизации является самой долгой историей из всех… Цивилизации проходят сквозь политические, социальные, экономические и даже идеологические потрясения, которые они сами подчас деятельно навлекают на себя"[23].

Если бы можно было вернуться в 1411 год и совершить кругосветное путешествие, нас, вероятно, сильнее всего впечатлило бы качество жизни на Востоке. В Пекине, столице

---

[14] Braudel *History of Civilizations*.

[15] Также см.: Bagby *Culture and History*; Mumford *City in History*.

[16] Elias *Civilizing Process*.

[17] Coulborn *Origins of Civilized Societies*; Fernandez-Armesto *Civilizations*.

[18] Quigley *Evolution of Civilizations*.

[19] Bozeman *Politics and Culture*.

[20] Melko *Nature of Civilizations*.

[21] Eisenstadt *Comparative Civilizations*.

[22] McNeill *Rise of the West*.

[23] Braudel *History of Civilizations*, pp. 34f.

династии Мин, строят Запретный город. Начались работы по улучшению Великого канала. Турки-османы идут к Константинополю (и в 1453 году возьмут столицу ветхой Византийской империи). Смерть Тимура (Тамерлана) в 1405 году устранила угрозу вторжения из Средней Азии орд, этой антитезы цивилизации. Китайскому императору Чжу-ди (Юнлэ) и турецкому султану Мураду II будущее казалось блестящим.

Напротив, Западная Европа в 1411 году поразила бы нас. То было убогое захолустье, с трудом оправлявшееся от чумы (Черная смерть в 1347–1351 годах выкосила почти половину населения), измученное антисанитарией и терзаемое войной, которая казалась бесконечной. Английский престол занимал прокаженный Генрих IV, свергнувший и убивший злосчастного Ричарда II. Францию раздирали усобицы сторонников герцога Бургундии и убитого герцога Орлеанского. Вот-вот возобновится Столетняя война. Другие склочные королевства Западной Европы – Арагон, Кастилия, Наварра, Португалия, Шотландия – казались немногим лучше. Мусульмане еще владеют Гранадой. Шотландский король Яков I захвачен английскими пиратами. Самым приятным местом в Европе тогда были города-государства Северной Италии: Флоренция, Генуя, Пиза, Сиена, Венеция. Что касается Северной Америки, то в xv веке по сравнению с государствами ацтеков, майя и инков с их храмами-пирамидами и дорогами высоко в горах она представляла собой глушь. К концу нашего кругосветного путешествия мысль о том, что Запад будет владычествовать над остальным миром следующие 500 лет, показалась бы очень странной. И все же это произошло.

По некоторым причинам с конца xv века мелкие государства Западной Европы с их бастардизированными заимствованиями из латыни (и немного из греческого), религией, основанной на учении некоего еврея из Назарета, с интеллектуальной задолженностью перед восточной математикой, астрономией и техникой смогли построить цивилизацию, не только покорившую великие восточные империи и подчинившую себе Африку, Америку и Австралазию, но и прививщую миру свой образ жизни (причем, как правило, не мечом, а словом).

Некоторые утверждают, будто цивилизации в некотором смысле равны и что Запад не может претендовать на превосходство, скажем, над Восточной Евразией[24]. Но очевидно, что такой релятивизм абсурден. Ни одна цивилизация прошлого не достигала такого уровня, как западная[25]. В 1500 году будущие европейские империи занимали около 10 % поверхности земной суши и охватывали около 16 % населения планеты. К 1913 году 11 западных империй[26] контролировали почти 3/5 суши и населения и около 3/5 (79 %) мирового производства[27]. Средняя продолжительность жизни в Англии была почти вдвое больше, чем в Индии. Более высокий жизненный уровень на Западе сказывался, кроме прочего, на питании людей (даже сельскохозяйственных рабочих) и их росте (даже у солдат и преступников)[28]. Цивилизации, как мы видели, связаны с городским укладом. Запад преуспел и в этом отношении. В 1500 году, насколько мы можем судить, крупнейшим городом на планете был Пекин с населением 600–700 тысяч человек. Из 10 крупнейших городов лишь один был европейским – Париж (с населением менее 200 тысяч человек). В Лондоне жило, вероятно, около 50 тысяч

---

[24] См.: Fernandez-Armesto *Millennium*; Goody *Capitalism and Modernity*; Goody *Eurasian Miracle*; Wong *China Transformed*.

[25] McNeill *Rise of the West*; Darwin *After Tamerlane*.

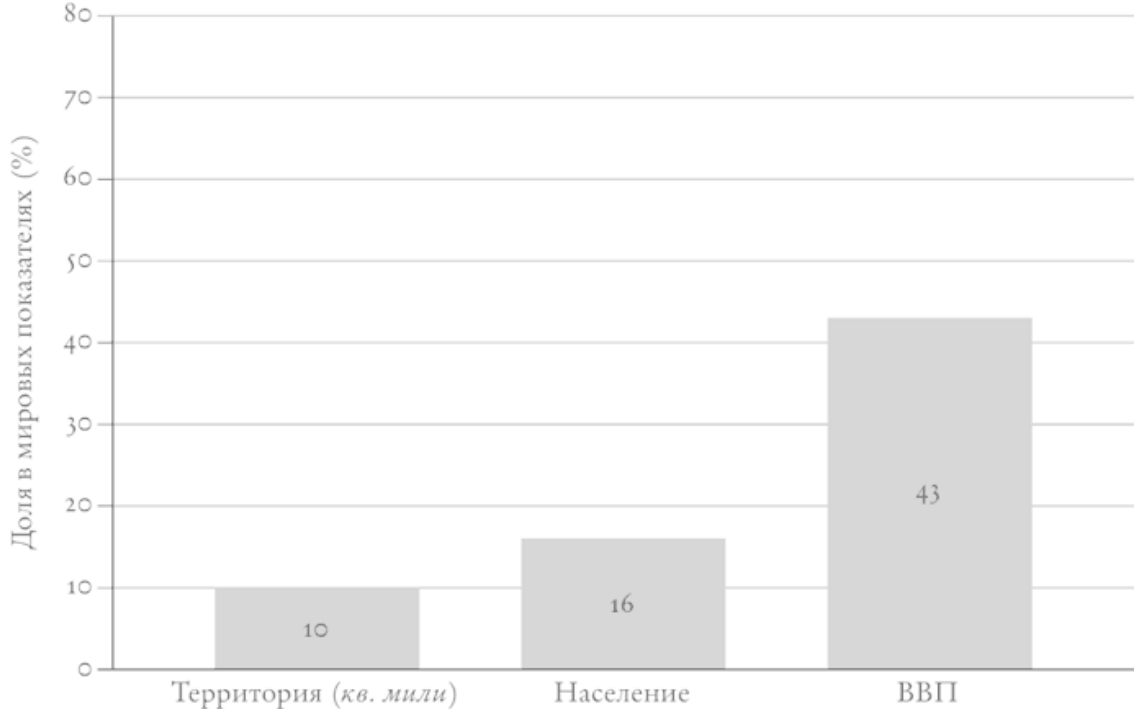
[26] Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Португалия, Испания, Россия, Великобритания и США. В 1500 году из них лишь Франция, Португалия и Испания существовали в виде, сколько-нибудь напоминающем их состояние в начале XX века. О притязаниях России на то, чтобы быть частью Запада, см. ниже.

[27] По данным из кн.: Maddison *World Economy*. К реконструированию совокупного продукта (ВВП) нужно отнестись даже с большей осторожностью, нежели к попыткам подсчитать население: Мэддисону пришлось пойти на рискованные допущения. Кроме того, он вычислял ВВП, исходя из паритета покупательной способности, чтобы взять поправку на гораздо более низкие цены нерыночных благ в относительно бедных странах.

[28] См.: Fogel *Escape from Hunger*, tables 1.2, 1.4.

человек. Нормы урбанизации в Северной Африке и Южной Америке были выше европейских. К 1900 году все переменилось. Всего один из 10 крупнейших городов того времени – Токио – располагался в Азии. Лондон с населением около 6,5 миллиона человек стал мегалополисом[29]. При этом западное господство не подошло к концу с упадком и разрушением европейских империй. Возвышение США показало, что разрыв между Западом и Востоком увеличивается. К 1990 году средний американец был в 73 раза богаче среднего китайца[30].

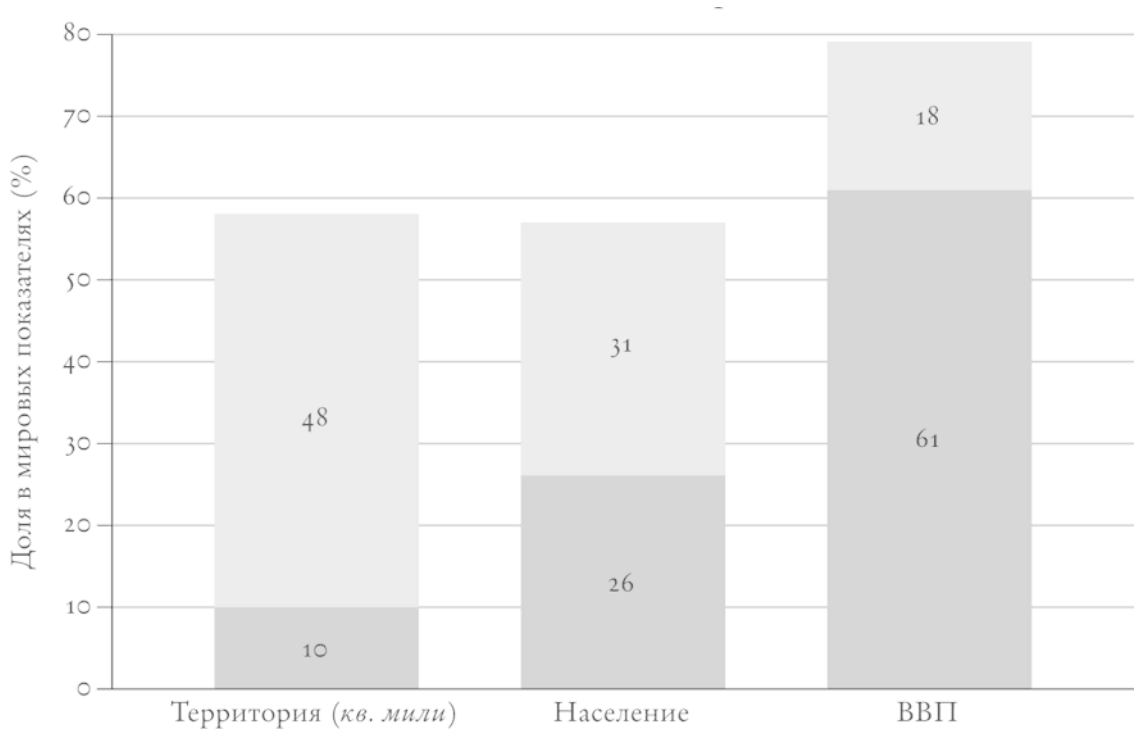
Будущие западные колониальные империи в 1500 г.



Западные колониальные империи в 1913 г.

[29] Данные из кн.: Chandler *Urban Growth*.

[30] В текущих долларовых ценах исходя из данных Всемирного банка (*World Development Indicators*).



Более того, во второй половине XX века стало ясно, что единственный для восточных обществ путь преодолеть разрыв в доходах – последовать примеру Японии и заимствовать у Запада некоторые институты и уклад. Западная цивилизация стала своего рода моделью. До 1945 года, конечно, имелось много моделей развития (“операционных систем”, если использовать компьютерную терминологию), которые могли быть восприняты незападными обществами. Но самые привлекательные имели европейское происхождение: либеральный капитализм, национал-социализм, советский коммунизм. Вторая модель в Европе погибла в ходе Второй мировой войны и уцелела под другими именами во многих развивающихся странах. Крах советской империи в 1989–1991 годах покончил с третьей.

После начала мирового финансового кризиса много говорили об азиатских экономических моделях, однако и самый пылкий поклонник культурного релятивизма не порекомендует реанимировать институты минского Китая или Индии Великих Моголов. Нынешние дебаты между сторонниками свободного рынка и сторонниками вмешательства государства в экономику – это, по сути, спор двух *западных* школ, школ Адама Смита и Джона М. Кейнса, и еще нескольких несгибаемых приверженцев Карла Маркса. Места рождения всех троих говорят за себя: Керколди, Кембридж, Трир. Большая часть мира теперь интегрирована в западную экономическую систему, в которой (как и рекомендовал Смит) главным образом рынок диктует цены и определяет динамику торговли и разделение труда, а правительство играет роль, близкую к отведенной ему Кейнсом: пытается смягчить экономический цикл и уменьшить неравенство доходов.

О неэкономических институтах нет смысла спорить. Университеты во всем мире стремятся к западным стандартам. То же верно и в отношении медицины, от научных исследований до здравоохранения. Большинство людей принимает научные истины, открытые Ньютоном, Дарвином и Эйнштейном. И даже если они этого не делают, при первых симптомах гриппа или бронхита они спешат принять какой-нибудь продукт западной фармакологии. Не многие общества сейчас сопротивляются западным моделям сбыта и потребления, да и образу жизни. Все больше людей ест западную пищу, носит западную одежду и живет в жилье западного типа. Более того, даже принятая на Западе организация труда (работа с девяти часов утра до пяти часов вечера, пять – шесть дней в неделю, две – три недели

отпуска в год) становится своего рода мировым стандартом. А религию, которую усердно экспортировали западные миссионеры, сейчас принимает треть человечества (в том числе и в стране с самым большим населением – в Китае). Даже атеизм, зародившийся на Западе, делает прогресс.

С каждым годом все больше людей делают покупки так, как и мы, учатся так, как и мы, оберегают свое здоровье (или болеют) так, как и мы, молятся (либо не молятся) так, как и мы. Куда бы вы ни поехали, вам почти наверняка попадутся бургеры, бунзеновские горелки, лейкопластыри, бейсболки и библии. Лишь в сфере политических институтов сохраняется впечатляющий плюрализм: множество стран, каждая по-своему, сопротивляется идее верховенства права с его защитой прав человека как основания полноценного представительного правления. А воинствующий ислам – как политическая идеология, так и религия – сопротивляется равенству полов и сексуальной свободе – западным стандартам конца XX века[31].

Таким образом, не будет проявлением "евроцентризма" или (анти-"ориентализма") заявить, что возвышение западной цивилизации – единственное важное историческое явление второй половины II тысячелетия с Рождества Христова. Это очевидно. Проблема в том, чтобы объяснить, как это случилось. Что такое после xv века произошло с цивилизацией Западной Европы, что позволило ей превзойти казавшиеся недосягаемыми империи Востока? Конечно, это нечто большее, чем красота Сикстинской капеллы.

Простой ответ – империализм[32]. Еще многие сейчас негодуют по поводу преступлений европейских империй. Преступления, конечно, были, и ниже о них тоже пойдет речь. Ясно также, что различные формы колонизации приводили к разным долгосрочным эффектам[33]. Но империализм не является исторически достаточным объяснением западного господства. Империи существовали задолго до империализма, разоблаченного марксизмом-ленинизмом. В xvi веке мощь и территория многих азиатских империй росли, а Европа после провала проекта Карла V по строительству великой Габсбургской империи от Испании до Нидерландов и Германии сделалась разобщеннее, чем когда-либо. Реформация привела к религиозным войнам, длившимся дольше века.

От путешественника xvi века едва ли укрылся бы контраст между Западом и Востоком. Османская империя, занимавшая Анатолию, Египет, Аравию, Месопотамию и Йемен, при Сулеймане Великолепном (1520–1566) расширилась до Балкан, Венгрии и Вены (1529). Государство Сефевидов при Аббасе I Великом (1587–1629) занимало земли от Исфахана и Тебриза до Кандагара. Северной Индией (от Дели до Бенгалии) правил Акбар I (1556–1605) из династии Великих Моголов. Китай за Великой стеной также казался спокойным, и едва ли европейские посетители двора императора Чжу Ицзюня (Ваньли; 1572–1620) смогли бы предсказать гибель династии Мин менее чем через 30 лет после его смерти. В конце 50-х годов xvi века фламандский дипломат Ожье Гислен де Бусбек (именно он привез тюльпаны из Турции в Нидерланды) в письмах из Стамбула нервозно сравнивал раздробленность Европы с "громадным богатством" Османской империи.

Конечно, xvi век был временем активности европейцев за границей. Но для великих империй Востока португальские и голландские мореплаватели отнюдь не выглядели носителями цивилизации: они казались варварами, угрожающими Срединному государству, причем более отвратительными (и уж точно хуже пахнущими), чем японские пираты. Да и что влекло европейцев в Азию, как не превосходные индийские ткани и китайский фарфор?

---

[31] Scruton *The West and the Rest*.

[32] См.: Laue *World Revolution of Westernization*.

[33] Acemoglu et al. *Reversal of Fortune*; Putterman and Weil *Post-1500 Population Flows*.

Уже в 1683 году турецкая армия подошла к Вене и потребовала, чтобы ее жители сдали город и приняли ислам. И лишь после снятия осады со столицы Габсбургов христиане постепенно вытеснили турок из Центральной и Восточной Европы, причем прошли долгие годы, прежде чем какая-либо из европейских империй повторила успехи восточного империализма. "Великая дивергенция" Запада и остального мира проявлялась еще медленнее. Разрыв в доходах жителей Северной и Южной Америки большую часть XIX века не был делом решенным. Европейцы до начала XX века не могли продвинуться в Африку дальше прибрежных зон.

Но если империализм не объясняет западное господство, то не был ли успех Запада, как утверждают некоторые ученые, удачным стечением обстоятельств? Может быть, к "великой дивергенции" привели географические или климатические условия западной оконечности Евразии? Европейцам повезло найти в Карибском море острова, идеально подходящие для культивирования богатого калориями сахара. Новый Свет подарил Европе дополнительные пахотные земли, в которых так нуждался Китай, и лишь по прихоти фортуны угольные месторождения в Китае разрабатывать труднее, чем в Европе[34]. Или Китай в некотором смысле стал жертвой собственного успеха – угодил в "ловушку равновесия высокого уровня" (земледельцы могли обеспечить большое население пищей, достаточной только для выживания)?[35] Или, может быть, Англия стала первой индустриальной страной потому, что антисанитария и болезни сокращали жизнь большинства и предоставляли богатому, предприимчивому меньшинству больше шансов передать свои гены потомству?[36]

Великий лексикограф Сэмюэль Джонсон отвергал случайные причины западного господства. Он вложил в уста главного героя романа "Расселас, принц Абиссинский" (1759) вопрос:

> Каковы те средства… что делают европейцев такими могущественными? И почему, если они могут так легко приплыть в Азию и Африку для торговли или завоеваний, азиаты и африканцы не могут вторгнуться на их берега, устраивать колонии в их портах и диктовать законы их природным правителям? Тот самый ветер, который принес их к нам, мог бы принести и нас к ним[37].

Философ Имлак заметил на это:

> Господин! Они [европейцы] могущественнее нас, потому что мудрее. Знание будет всегда господствовать над невежеством, подобно тому, как человек повелевает другими животными. Но почему их [европейцы] знание превосходит наше? Я не знаю иной причины этому, кроме непостижимой воли Всевышнего[38].

Знание – действительно сила, если оно дает превосходство в навигации, добыче полезных ископаемых, стрельбе и лечении болезней. Но действительно ли европейцы знали больше всех? Возможно, в 1759 году так и было: около двух с половиной веков после 1650

---

[34] Pomeranz *Great Divergence*.

[35] Elvin *Pattern of the Chinese Past*.

[36] Clark *Farewell to Alms*.

[37] Этим вопросом в xviii веке действительно задавались подданные незападных империй. В 1731 году турок Ибрагим Мутеферрика вопрошал: почему "христиане, бывшие [некогда] презренным народом, сравнительно малочисленным по отношению к мусульманскому населению и ничтожным и слабым по природе и характеру, с некоторых пор распространились по свету, захватили множество стран и даже стали явно побеждать победоносную османскую армию Высокой Порты?" [Пер. Ю. Каменева. – *Прим. пер.*]

[38] Johnson *Rasselas*, pp. 56f.

года наука была обязана прогрессом почти исключительно Западу[39]. Но в 1500 году? Как мы увидим, уровень развития китайской техники, индийской математики и арабской астрономии столетиями превосходил западный.

Если так, не обладали ли европейцы неким культурным, менее явным преимуществом? Такое предположение выдвинул немецкий социолог Макс Вебер. Этот тезис имеет много вариантов – средневековый английский индивидуализм, гуманизм, протестантская этика, – а подтверждения ему находят буквально везде – от завещаний английских крестьян и гроссбухов средиземноморских купцов до придворного этикета. Дэвид Лэндис в "Богатстве и бедности народов" высоко оценил роль культурных факторов. Он указал, что Западная Европа опередила остальной мир, поскольку позволяла самостоятельное научное исследование, применение научного метода, рационализацию исследования и его распространение. Правда, Лэндис допустил, что для распространения этой парадигмы потребовалось еще кое-что: кредитно-финансовые учреждения и добросовестное государственное управление[40]. Ключ к успеху (это становится все яснее) – общественные институты.

Институты, конечно, в некотором смысле продукт культуры. Однако они, будучи воплощением тех или иных принципов, нередко определяют подлинный уровень культуры. Этот взгляд иллюстрирует ряд экспериментов, поставленных в XX веке: очень разные институты были навязаны изолированным группам немцев (в ФРГ и ГДР), корейцев (в КНДР и Республике Корее) и китайцев (в КНР и за ее пределами). Результаты получились поразительные, а вывод – недвусмысленным. Если имеются две группы испытуемых с более или менее одинаковой культурой и первую подвергают воздействию коммунистических институтов, а вторую – капиталистических, они почти немедленно начинают вести себя по-разному.

Многие историки сейчас соглашаются с тем, что в начале xvi века между Восточной и Западной Евразией имелось не так уж много действительно глубоких различий. Оба региона рано восприняли земледелие, рыночные отношения, город и государство[41]. Однако у Восточной и Западной Евразии было важное институциональное различие: Китай был единым, централизованным государством, а Европа – политически раздробленной. Джаред Даймонд в книге "Ружья, микробы и сталь" (1997)[42] объяснил, почему Евразия оказалась впереди всей планеты[43], но лишь в работе "Как разбогатеть" (1999) он предложил ответ на вопрос, почему одна часть Евразии обошла другую. Ответ Даймонда таков: монолитные империи, занимавшие равнины Восточной Евразии, душили изобретательство, а многочисленные монархии и города-государства в изрезанной горными цепями и реками Западной Евразии постоянно пребывали в состоянии творческой конкуренции и обмена[44].

Это интересный, но не исчерпывающий ответ. Вспомните две серии гравюр "Бедствия войны", созданных лотарингским художником Жаком Калло в 30-х годах xvii века, будто чтобы предупредить остальной мир об опасности религиозных конфликтов. Конкуренция между мелкими государствами Европы (и внутри них) в первой половине xvii века опустошала целые области Центральной Европы и более чем на 100 лет обеспечила распри Британским островам. Политическая фрагментация часто к этому приводит (если сомневаетесь, спросите жителей бывшей Югославии). Конкуренция, как мы увидим в главе 1, есть часть истории западного господства, – но лишь одна ее часть.

---

[39] Murray *Human Accomplishment*.

[40] Landes *Wealth and Poverty*.

[41] Hibbs and Olsson *Geography*; Bockstette et al. *States and Markets*.

[42] Рус. пер.: Даймонд Дж. *Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ.* М.: Астрель: CORPUS, 2010. – *Прим. ред.*

[43] Diamond *Guns, Germs and Steel*.

[44] Diamond *How to Get Rich*.

Я хочу показать, что главными источниками могущества, отличающими Запад от остального мира, стали 6 групп уникальных институтов и связанных с ними идей:

1. Конкуренция.
2. Наука.
3. Имущественные права.
4. Медицина.
5. Общество потребления.
6. Трудовая этика.

Пользуясь языком современного компьютеризированного, синхронизированного мира, скажу: таковы 6 "приложений-убийц", революционных новинок, позволивших западной оконечности Евразии доминировать над миром почти 500 лет.

Прежде чем вы с негодованием возразите, что я упускаю некоторые важные аспекты вроде капитализма, свободы, демократии (или те же ружья, микробы и сталь), пожалуйста, прочитайте краткие определения:

1. *Конкуренция*. Децентрализация политической и экономической жизни, явившаяся трамплином для национальных государств и для капитализма.

2. *Наука*. Способ познания, объяснения и преобразования природы, давший Западу, кроме прочего, подавляющее военное преимущество перед остальным миром.

3. *Имущественные права*. Верховенство права как способ защиты собственников и мирного разрешения имущественных споров, легшее в основу наиболее устойчивой формы представительного правления.

4. *Медицина*. Область научной и практической деятельности, положительно повлиявшая на качество и продолжительность жизни сначала в западных странах, а затем в их колониальных владениях.

5. *Общество потребления*. Образ жизни, при котором производство, продажа и покупка потребительских товаров (одежда и так далее) играют в экономических процессах центральную роль. Без общества потребления Промышленная революция была бы невозможна.

6. *Трудовая этика*. Нравственная концепция и образ действия, возникшие отчасти в протестантизме, связывающем динамичное, потенциально нестабильное общество, созданное с помощью "приложений" №№ 1–5.

Это не самодовольная версия "Триумфа Запада"[45]. Ниже я покажу, что к завоеванию и колонизации большей части мира привело не только превосходство Запада, но и слабость его конкурентов. В 40-х годах xvii века валютно-финансовый кризис, климатические изменения и эпидемии привели к восстанию, а в итоге и к гибели династии Мин. Запад был ни при чем. Отставание Османской империи в политическом и военном отношении обусловили в большей степени внутренние, нежели внешние причины. Когда североамериканские политические институты процветали, южноамериканские загнивали. Но в неудаче Симона Боливара построить "Соединенные Штаты Латинской Америки" гринго ничуть не виноваты. Итак, главное отличие Запада от остального мира – его институты. Западная Европа догнала Китай отчасти потому, что ее политика и экономика были в большей степени конкурентными. Австрия, Пруссия, позднее даже Россия достигли успехов в административном и в военном отношении потому, что сеть, которая произвела научную революцию, сложилась в христианском мире, а не в мусульманском. Бывшие североамериканские колонии преуспели больше

[45] Roberts *Triumph of the West*.

южноамериканских, потому что английские поселенцы на Севере выбрали такие отношения собственности и такой способ политического представительства, которые очень отличались от принесенных в Южную Америку испанцами и португальцами. (На Севере действовал режим "свободного доступа", в противоположность "ограниченному", при котором обществом управляют в интересах получающих экономическую ренту замкнутых элит.)[46] Европейские империи проникли в Африку не только потому, что у них был пулемет Максима: они разрабатывали вакцины против тропических болезней, от которых так страдали африканцы.

Таким же образом ранняя индустриализация Запада отразила его институциональные преимущества. Условия для возникновения массового общества потребления существовали на Британских островах задолго до изобретения и внедрения паровых машин или фабричной системы производства. Даже после того, как промышленная технология стала почти повсеместно доступна, различия между Западом и остальным миром сохранились и даже усилились. Европейский или североамериканский рабочий на целиком стандартизированном хлопкопрядильном или ткацком оборудовании мог работать продуктивнее восточных коллег, а его работодатель – быстрее приумножать капитал[47]. Инвестиции в здравоохранение и народное образование приносили значительные дивиденды, а там, где таких инвестиций не делали, люди оставались бедны[48]. Моя книга – обо всех этих различиях.

До сих пор я употреблял слова "Запад" и "западный" более или менее случайно. Что я подразумеваю под *западной цивилизацией*? После войны белые англосаксы-протестанты мужского пола, как правило, инстинктивно помещали Запад (или "свободный мир") в относительно узкие рамки от Лондона до Лексингтона, штат Массачусетс, или – шире – от Страсбурга до Сан-Франциско. В 1945 году главным языком Запада был английский (сопровождаемый сбивчивым французским). С ростом европейской интеграции в 50-х – 60-х годах XX века расширялся и клуб западных стран. Теперь мало кто станет спорить, относятся ли к Западу Нидерланды, Франция, Германия, Италия, Португалия, скандинавские страны и Испания. В то же время Греция, с некоторых пор православная, является частью Запада *ex officio* [в силу занимаемого положения] из-за нашего неоплатного долга перед древнегреческой философией и нынешней задолженности греков перед Евросоюзом.

А как быть с остальным Южным и Восточным Средиземноморьем, охватывающим не только Балканы севернее Пелопоннеса, но и Северную Африку, а также Малую Азию? С Египтом и Месопотамией, колыбелями первых цивилизаций? Является ли Западом Америка, колонизированная европейцами? И действительно ли Европейская часть России – это Запад, а азиатская, за Уралом, – в некотором смысле Восток? В период холодной войны СССР с его сателлитами повсеместно называли Восточным блоком. Но, конечно, СССР был продуктом западной цивилизации в той же степени, что и США. Господствующая в СССР идеология имела почти то же викторианское происхождение, что и национализм, аболиционизм и суфражизм: она зародилась и вызрела в круглом Читальном зале Британской библиотеки. Ее распространение стало продуктом европейской экспансии и колонизации не в меньшей степени, чем заселение Америки. В Средней Азии, как и в Южной Америке, европейцы управляли неевропейцами. В этом смысле события 1991 года стали просто гибелью последней европейской империи. При этом недавнее определение западной цивилизации, сформулированное Сэмюэлем Хантингтоном и получившее широкое распространение, исключает не только Россию, но и все православные страны. Запад, по Хантингтону, – это Западная и Центральная Европа (но не православная Восточная), Северная Америка (но не Мексика) и

[46] См.: North *Understanding the Process of Economic Change*; North et al. *Violence and Social Orders*.

[47] Clark *Farewell to Alms*, pp. 337–342.

[48] Rajan and Zingales *Persistence of Underdevelopment*; Chaudhary et al. *Big BRICs, Weak Foundations*.

Австралазия. Запад – это не Греция, не Израиль, не Румыния и не Украина, как и не острова в Карибском море (хотя многие из них в той же степени Запад, что и Флорида)[49].

Если так, то Запад есть нечто гораздо большее, нежели географическое понятие: это стандарты, уклад и институты с крайне нечеткими границами. Но может ли тогда стать западным азиатское общество, перенимающее западную моду и методы ведения бизнеса, как это сделала Япония в эпоху Мэйдзи и, кажется, теперь делают почти все остальные азиатские страны? Прежде было модно утверждать, что капиталистическая "мировая система" навязала разделение труда между ее западным ядром и периферией[50]. А что если весь мир окажется вестернизированным, по крайней мере, во внешних чертах и в образе жизни? Или другие цивилизации, согласно известному замечанию Хантингтона, окажутся жизнеспособнее – особенно "синская" (то есть "Большой Китай"[51]) и мусульманская (с ее "кровавыми границами" и "насилием внутри")?[52] Насколько искренне принятие ими западных принципов? К этим вопросам мы обратимся ниже.

Другая загадка западной цивилизации заключается в том, что отсутствие единства кажется одной из ее характерных особенностей. В начале XXi века многие американские наблюдатели жаловались на "расширяющуюся Атлантику" – упадок ценностей, связывавших США с западноевропейскими союзниками во времена холодной войны[53]. Если сейчас немного яснее (чем когда госсекретарем был Генри Киссинджер), кому должен звонить американский государственный деятель, желающий поговорить с Европой, стало труднее сказать, кто говорит от имени западной цивилизации. И все же нынешний разлад Америки и "старой Европы" безобиден по сравнению с конфликтами прошлого, обусловленными разногласиями по поводу религии, идеологии и даже самого смысла цивилизации. Во время Первой мировой войны немцы настаивали, что сражаются за высокую *культуру* и против безвкусной, материалистической англо-французской *цивилизации* (это различие проводили, например, Томас Манн и Зигмунд Фрейд). Но это различие было трудно принять в первой фазе войны, когда горела биб лиотека Лувенского университета[54] и шли массовые казни мирных бельгийских граждан. Британские пропагандисты в ответ клеймили немцев как "гуннов" и называли ту войну "Великой войной во имя цивилизации" (так было начертано на британской Медали Победы[55]). Имеет ли больше смысла сегодня, нежели чем в 1918 году, говорить о "Западе" как о единой цивилизации?

Наконец, стоит помнить, что западная цивилизация однажды уже испытала упадок и крушение, и римские руины в Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке красноречиво об этом напоминают. Вершинами "западной цивилизации версии 1,0", возникшей в районе "плодородного полумесяца" (между долиной Нила и слиянием Тигра и Евфрата), стали афинская демократия и Римская империя[56]. Основные элементы нашей цивилизации (не только демократия, но и атлетика, арифметика и геометрия, гражданское право, архитектурные приемы и существенная часть современного английского лексикона) возникли в древности на Западе. Римская империя во времена расцвета была поразительно сложной системой. Зерно, ремесленные изделия и деньги свободно обращались от Северной Англии

---

[49] Huntington *Clash of Civilizations*.

[50] Wallerstein *Modern World-System*.

[51] Одна из почтеннейших цивилизаций получила название, о котором не слышал никто, кроме одного политолога. В своем эссе 1993 года Хантингтон использовал понятие "конфуцианская".

[52] Huntington *Clash of Civilizations*.

[53] См.: Kagan *Paradise and Power*; Schuker *Sea Change*.

[54] Лувен (Левен), "бельгийский Оксфорд", в конце августа 1914 года был разграблен и разрушен немцами, решившими, что в городе действуют партизаны. – *Прим. пер.*

[55] Osborne *Civilization*.

[56] Morris *Why the West Rules*.

до верховий Нила. Здесь процветала ученость, развивались право и медицина. Имелись даже "шопинг-моллы" вроде римского форума Траяна. Но "западная цивилизация версии 1,0" пришла в упадок, а в v веке удивительно быстро погибла от нашествий варваров и внутренних неурядиц. В течение жизни одного поколения город Рим – грандиозная имперская столица – опустел, его акведуки разрушились, а роскошные рынки были заброшены. Знания античного Запада могли быть утрачены, если бы не библиотекари Византии[57], монахи Ирландии[58], папы и священники римско-католической церкви (не забудем и о Аббасидах[59]). Без их усилий Запад, возможно, не дождался бы Ренессанса.

Ждут ли "западную цивилизацию версии 2,0" упадок и крушение? Население Запада, которое долгое время составляло меньшую часть населения мира, явно вырождается. Некогда лидирующая экономика США и Европы стоит перед реальной перспективой того, что в пределах 20, даже 10 лет их догонит Китай, за которым с небольшим отрывом следуют Бразилия и Индия. Западная "жесткая сила", кажется, увязла на Большом Ближнем Востоке, от Ирака до Афганистана, а "Вашингтонский консенсус" касательно экономической политики свободного рынка распадается. Финансовый кризис, начавшийся в 2007 году, также, по-видимому, указывает на фундаментальный недостаток, лежащий в основе общества потребления с его акцентом на терапии, заключающейся в стимулировании продаж в кредит. Протестантская этика бережливости, некогда казавшаяся центральным элементом западного проекта, почти ушла. Тем временем элитами Запада овладел почти милленаристский страх перед экологическим апокалипсисом.

Более того, западная цивилизация, кажется, потеряла уверенность в себе. Начиная со Стэнфорда в 1963 году, ряд ведущих университетов прекратил предлагать студентам классический курс истории *западной цивилизации*. В школах вышел из моды большой нарратив о западном прогрессе. Из-за причуды педагогов, во имя "новой истории" поставивших "исторические навыки" выше знаний, вкупе с неожиданными последствиями реформирования образования, слишком много британских учащихся покидает среднюю школу, почти не имея представления об истории Запада: немного о Генрихе VIII, Гитлере, чуть-чуть о Мартине Лютере Кинге-младшем. Опрос первокурсников-историков в одном из ведущих британских университетов показал, что лишь 34 % опрошенных знает, кто был английским монархом во время Армады, 31 % – где шла Англо-бурская война, 16 % – кто командовал британскими силами при Ватерлоо (решивших, что это Нельсон, оказалось вдвое больше), 11 % вспомнило лишь одного британского премьер-министра XIX века[60]. При опросе английских подростков 11–18 лет выяснилось, что Кромвель участвовал в битве при Гастингсе (17 % опрошенных), а 25 % датировало Первую мировую войну неправильным веком[61]. Кроме того, в англоязычных странах теперь широко распространено мнение, что нам следует изучать другие культуры, а не нашу собственную. Диск, отправленный в 1977 году в космос на "Вояджере", нес 27 записей, и лишь 10 принадлежали западным композиторам: не только Баху, Моцарту и Бетховену, но и Луи Армстронгу, Чаку Берри и Вилли Джонсону ("Слепому"). История мира "в 100 предметах", изданная в 2010 году директором Британского музея, включает не более 30 продуктов западной цивилизации[62].

---

[57] Brownworth *Lost to the West*.

[58] Cahill *How the Irish Saved Civilization*.

[59] Dawson *Making of Europe*; Woods *How the Catholic Church Built Western Civilization*.

[60] Matthews *Strange Death*; Guyver *England*.

[61] Kelly, Amanda *What Did Hitler Do in the War, Miss?* // Times Educational Supplement, 19 January 2001.

[62] MacGregor *History of the World*.

Любая книга по истории мировых цивилизаций, умаляющая степень их постепенного подчинения Западу после 1500 года, оставляет без внимания вопрос, скорее прочих нуждающийся в ответе. Возвышение Запада – исключительное историческое явление. Это сердцевина истории нового времени. Эта загадка, возможно, представляет собой самый трудный вызов историкам, но мы должны решить ее не только из-за своего любопытства. Лишь выяснив причины господства Запада, мы сможем надеяться сколько-нибудь верно оценить близость его упадка и крушения.

Глава 1. Конкуренция

Китай, по-видимому, долгое время оставался в неподвижном состоянии и, вероятно, давно уже приобрел тот максимум богатств, который совместим с характером его законов и учреждений. Но возможно, что этот максимум богатств гораздо ниже того, который при наличии других законов и учреждений можно было бы приобрести при данном характере почвы, климата и положения страны. Страна, пренебрегающая внешней торговлей или презирающая ее и допускающая иностранные корабли только в один или два порта, не может развить свою торговлю в таких размерах, в каких это было бы возможно при других законах и учреждениях… Более обширная внешняя торговля… должна была привести к очень большому росту китайской мануфактурной промышленности и к значительному увеличению производительности последней. При более обширном мореплавании китайцы, естественно, научились бы применению и сооружению всех тех различных машин, которыми пользуются в других странах, а также другим усовершенствованиям в ремеслах и промышленности, применяемым во всех частях мира.
Адам Смит[63]

Почему их столь мало, и все же они столь сильны? Почему нас много, и все же мы слабы? Единственное, что нам следует заимствовать у варваров, это… прочные суда и действенное оружие.
Фэн Гуйфэнь

Две реки

Запретный город (*Цзыцзиньчэн* или *Гугун*) в сердце Пекина строили более миллиона рабочих из материалов, свезенных со всех концов Китая. Запретный город почти с тысячей строений, символизировавший могущество династии Мин, – не только обломок некогда величайшей цивилизации, но и напоминание о том, что ни одна цивилизация не вечна. Еще в 1776 году Адам Смит мог считать Китай “одной из самых богатых, то есть наиболее плодородных, лучше всего обрабатываемых, наиболее трудолюбивых и самых населенных стран в мире… Эта страна богаче любой части Европы”. И все же он оговорился, что Китай пребывает “в состоянии застоя”[64]. Смит был прав. Менее чем через столетие после постройки Запретного города (1406–1420) начался упадок Востока. Тогда нищие и склочные микроскопические страны Западной Европы начали свою почти неудержимую экспансию, длившуюся полтысячелетия, а великие империи Востока постепенно впали в кому.

Почему Китай уступил первенство Европе? Смит считал, что китайцы оказались не в состоянии поощрять внешнюю торговлю и поэтому не сумели воспользоваться сравнительными преимуществами своей страны и извлечь выгоду из международного разделения труда. Есть и другие объяснения.

---

[63] Цит. по кн.: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов.*М: Соцэкгиз, 1962. – *Прим. пер.*

[64] Smith *Wealth of Nations*, Book I, chs. 8, 11, Book IV, ch. 9.

В 40-х годах xviii века Шарль Луи де Секонда, барон де Монтескье, в бедах Китая винил деспотию, обусловленную невероятно большим населением, умножившимся из-за климата[65]:

Азия… совершенно не имеет умеренного пояса, и ее страны, расположенные в очень холодном климате, непосредственно соприкасаются с теми, которые находятся в климате очень жарком, каковы Турция, Персия, Китай, Корея, Япония и государство Могола. В Европе, напротив, умеренный пояс очень обширен… каждая страна по своему климату весьма сходна с соседней; в этом отношении там не встречается резких различий… Отсюда следует, что в Азии народы противостоят друг другу, как сильный слабому; народы воинственные, храбрые и деятельные непосредственно соприкасаются с народами изнеженными, ленивыми и робкими, поэтому один из них неизбежно становится завоевателем, а другой – завоеванным. В Европе, напротив, народы противостоят друг другу как сильный сильному; те, которые соприкасаются друг с другом, почти равно мужественны. Вот где великая причина слабости Азии и силы Европы, свободы Европы и рабства Азии, причина, насколько мне известно, никем еще не выясненная[66].

Позднейшие европейские авторы считали, что Запад превзошел Восток благодаря технике, например приведшей к Промышленной революции. (Именно так решил граф Макартни после своего явно провального посольства в Китай в 1793 году.) Другой аргумент, популярный в XX веке, гласит, что конфуцианская философия препятствовала нововведениям. Однако эти современные объяснения ошибочны. Первое из шести "приложений-убийц", которыми располагал Запад и которых был лишен Восток, не имело отношения ни к коммерции, ни к климату, ни к технике, ни к философии. Оно, как понимал уже Смит, заключалось прежде всего в институтах.

Если бы вы посетили в 1420 году Темзу и Янцзы, вы поразились бы увиденному. Янцзы была встроена в сложную судоходную систему Пекин – Нанкин (протяженностью более 805 км) – Ханчжоу. Основой ее служил Великий канал длиной более 1600 км. Начатый в vii веке до н. э. канал со шлюзами (x век) и изящными мостами (один из них – Баодай, многоарочный "Мост драгоценного пояса"), при императоре Чжу-ди (Юнлэ) из династии Мин (1402–1424) восстановили и улучшили. Когда главный инженер проекта Бай Ин закончил плотины и отвел русло Хуанхэ, ежегодно по "реке для сплава хлеба" в обе стороны проходили до 12 тысяч барж с рисом[67]. Около 50 тысяч человек обслуживали инфраструктуру канала. На Западе, конечно, величайшими из великих каналов останутся венецианские. Но даже бесстрашного венецианца Марко Поло, посетившего Китай в 70-х годах xiii века, впечатлило судоходство на Янцзы:

Кто своими глазами не видел, не поверит, сколько больших судов поднимается по той реке. Кто сам не видел, не поверит, какое множество товаров сплавляют купцы вниз и вверх по реке. Она так широка, словно как море[68].

Великий канал не только был главной артерией внутренней торговли Китая. Он позволил правительству регулировать цены на рис посредством пяти государственных зернохранилищ: власти скупали зерно тогда, когда оно дешевело, и продавали, когда дорожало[69].

Столица империи – Нанкин (население в 1420 году составляло от полумиллиона до миллиона человек) – вероятно, была в то время крупнейшим городом мира. Здесь столети-

---

[65] Пер. А. Матешук. – *Прим. пер.*

[66] Montesquieu *Spirit of the Laws*, Book VIII, ch. 21; Book VII, ch. 7; Book XIX, chs. 17–20.

[67] Bishop *China's Imperial Way*.

[68] Пер. И. Минаева. – *Прим. пер.*

[69] Tsai *Perpetual Happiness*, p. 123.

ями процветали хлопчатобумажное производство и шелководство. При императоре Чжу-ди (Юнлэ) он стал и научным центром. Девиз Юнлэ переводится как "вечная радость", но, вероятно, тому времени лучше подошла бы характеристика "вечное движение". Величайший из минских императоров ничего не делал кое-как. Например, создание компендиума китайской науки (более 11 тысяч томов) потребовало усилий более 2 тысяч ученых. Эту энциклопедию, почти 600 лет остававшуюся крупнейшей в мире, превзошла лишь "Википедия" в 2007 году. Но император не был доволен Нанкином. Вскоре после своего восшествия на престол он заложил на севере новую столицу: Пекин. К 1420 году, когда закончилось строительство Запретного города, Китай, безусловно, мог считаться самой развитой цивилизацией мира.

В начале xv века Темза по сравнению с Янцзы представляла собой тихую заводь. Правда, Лондон был оживленным портом, основным узлом английской торговли с континентом. (Ричард Уиттингтон, самый известный из лорд-мэров города, торговал тканями и заработал состояние благодаря растущему экспорту шерсти.) Верфи столицы Англии процветали благодаря непрекращающимся войнам с Францией. У Шедуэлла и Ратклиффа, где дно было илистым, корабли могли встать на ремонт. Правда, Тауэр, в отличие от Запретного города, внушал не почтительный трепет, а ужас.

Все это едва ли впечатлило бы китайского путешественника. Тауэр на фоне Запретного города с его многочисленными залами выглядел просто лачугой, Лондонский мост рядом с мостом Баодай казался недоразумением, а уровень развития навигации в Англии был таким, что корабли ходили лишь по Темзе и Ла-Маншу, держась в виду знакомых берегов. Ни англичанин, ни китаец тогда и вообразить не мог английские корабли на Янцзы.

Лондон, куда Генрих V вернулся в 1421 году после побед над французами (самая известная – при Азенкуре), едва ли можно было назвать хотя бы городком. Протяженность старых, многократно латанных стен составляла около 4,9 км, – малая часть длины стен Нанкина. Основателю династии Мин на возведение стен вокруг своей столицы понадобилось более 20 лет. Они имели башни-ворота настолько большие, что лишь в одной из них можно было разместить 3 тысячи воинов. Эти стены строились на века и почти целиком сохранились. От средневековых же стен Лондона сейчас почти ничего не осталось.

По стандартам xv века Китай был относительно приятным местом. Жесткий феодальный порядок, установившийся в начале эпохи Мин, смягчала активная внутренняя торговля[70]. В Сучжоу, в Старом городе, и сейчас заметны следы расцвета: тенистые каналы и изящные улочки. Жизнь современников-англичан в городах была совершенно иной. Черная смерть – бубонная чума, вызванная переносимой блохами бактерией *Yersinia pestis,* которая настигла Англию в 1349 году, – уменьшила население Лондона примерно до 40 тысяч человек (менее **Ую** населения Нанкина). Кроме чумы, частыми гостями были сыпной тиф, дизентерия и оспа. Но и без эпидемий Лондон являлся опасным местом – из-за антисанитарии. Канализации не было, и в городе стояла страшная вонь (в китайских городах экскременты систематически собирали для удобрения отдаленных рисовых полей). Когда Уиттингтон был лорд-мэром (четырежды: между 1397 годом и его смертью в 1423 году), улицы Лондона были вымощены отнюдь не золотом.

Школьников учат тому, что Генрих V – одна из героических фигур английской истории, и противопоставляют его слабовольному Ричарду II (правившему прежде Генриха IV – предшественника Генриха V). Печально признавать, но королевство было очень далеко от "царственного острова" из шекспировского "Ричарда II". Скорее оно было "заразным островом". Драматург описывает Англию так: "…второй Эдем, // Противу зол и ужасов войны //

[70] Brook *Confusions of Pleasure*.

Самой природой сложенная крепость”[71]. Тем не менее, продолжительность жизни в 1540–1800 годах в Англии составляла в среднем 37 лет (в Лондоне – 20 лет). Почти каждый пятый английский ребенок погибал в первый же год (в Лондоне – почти каждый третий). Генрих V взошел на престол 26 лет от роду и умер от дизентерии в 35 лет. До сравнительно недавнего времени историю творили, как правило, молодые.

Насилие было обычным делом. Воевать с Францией англичане уже привыкли, а когда они не воевали с французами, то сражались с валлийцами, шотландцами и ирландцами, а иначе дрались – за корону – друг с другом. Отец короля Генриха V захватил трон силой, а сын, Генрих VI, таким же образом его утратил в начале Войны Алой и Белой розы: тогда 4 короля лишились своих корон, а 40 пэров – головы (в бою или на эшафоте). В 1330–1479 годах четверть представителей английской знати погибла насильственной смертью. Убивали, конечно, не только дворян. Данные начиная с xiv века свидетельствуют, что ежегодно в Оксфорде происходило более 100 убийств на 100 тысяч жителей. Лондон считался несколько безопаснее: здесь ежегодно регистрировали около 50 убийств на 100 тысяч. Самые высокие показатели в современном мире дают Южная Африка (69 на 100 тысяч), Колумбия (53 на 100 тысяч) и Ямайка (34 на 100 тысяч). Даже в Детройте в опасных 80-х годах XX века регистрировалось 45 убийств на 100 тысяч[72].

Жизнь англичан в те времена была, как позднее отметил Томас Гоббс, “одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна” (Гоббс назвал это “естественным состоянием”). Даже такое видное семейство из Норфолка, как Пастоны, не могло всерьез рассчитывать на безопасность. Маргарет, жену Джона Пастона, изгнали из своего жилья, когда она пыталась настаивать на законном праве семьи на поместье Грешем, занятое наследником предыдущего владельца. Джон Фастолф оставил Пастонам замок Кайстер, однако герцог Норфолкский осадил его вскоре после смерти Джона Пастона. Осада длилась 17 лет[73]. И при этом Англия числилась среди преуспевающих и в наименьшей степени пораженных насилием стран Европы! Во Франции жизнь была еще беспросветнее, тупее и короче – и ситуация к востоку все ухудшалась. Еще в начале xviii века француз ежедневно потреблял в среднем 1660 килокалорий (почти минимум требуемого для поддержания жизни; около половины среднего современного западного уровня), а средний рост мужчин в дореволюционной Франции составлял 165 см[74]. Во всех континентальных странах, о которых есть средневековые данные, убивали чаще, чем в Англии (а худшим местом неизменно оказывалась Италия, славная не только своими художниками, но и наемными убийцами).

Иногда говорят, что такая жизнь в Западной Европе являлась своего рода преимуществом. Поскольку бедняки умирали чаще богатых, они, возможно, так или иначе способствовали дальнейшему процветанию последних. Черная смерть, кроме прочего, привела к росту дохода на душу населения в Европе. Выжившие – поскольку рабочих рук не хватало – могли заработать больше. Верно и то, что дети английских богачей имели гораздо больше шансов дожить до зрелости, чем дети бедняков[75]. И все же маловероятно, чтобы эти особенности европейской демографии объясняли разницу в положении Востока и Запада. Сейчас есть страны, жизнь в которых почти столь же бедственна, как и в средневековой Англии, и где из-за голода, мора, войны и насилия средняя продолжительность жизни ничтожно мала, где долго живут лишь богатые. Опыт Афганистана, Гаити и Сомали показывает, что эти обсто-

[71] Пер. М. Донского. – *Прим. пер.*

[72] Pinker *Better Angels*.

[73] Castor *Blood and Roses*.

[74] Fogel *Escape from Hunger*, tables 1.2, 1.4.

[75] Clark *Farewell to Alms*.

ятельства отнюдь не благоприятны. Далее мы увидим, что Европа совершила рывок к процветанию и могуществу вопреки смерти и гладу, а не благодаря им.

Ученым и читателям стоит помнить о смерти. “Триумф смерти”, шедевр Питера Брейгеля Старшего (1525–1569), разумеется, не отражал действительности, однако художнику не пришлось и изобретать от начала до конца тошнотворную картину смерти и разрушений. Землю наводнили воинственные скелеты. На переднем плане мертвый король, чьи сокровища уже бесполезны, а рядом собака грызет труп. Вдали двое повешенных, четверо колесованных и еще один, которого вот-вот обезглавят. Армии сражаются, дома горят, корабли идут на дно. Мужчин и женщин, молодых и старых, военных и гражданских, гонят в узкий тоннель. Никто не получит пощады. Даже трубадур, воспевающий свою возлюбленную, обречен.

Брейгель умер в 40 с небольшим лет, будучи младше, чем я сейчас. Век спустя итальянский художник Сальватор Роза написал, возможно, наиболее впечатляющую картину на тему *memento mori* – “Хрупкость человеческой жизни” (*L’umana fragilit*а). Чума, опустошившая в 1655 году Неаполь, родной город художника, забрала жизнь его маленького сына Розальво, а также брата, сестры, ее мужа и пятерых из их детей. Ангел смерти выступает из тьмы позади жены художника, чтобы взять их сына как раз тогда, когда ребенок делает первую попытку что-то написать. Латинская надпись на холсте гласит:

Conceptio culpa
Nasci pena
Labor vita
Necesse mori

“Зачатие – грех, рождение – боль, жизнь – тяжкий труд, смерть неизбежна”. Можно ли дать более краткое описание жизни в Европе в то время?

Евнух и единорог

Чем объяснить превосходство Востока? Прежде всего, сельское хозяйство здесь было гораздо производительнее европейского. В Восточной Азии продуктивность рисоводства была очень высокой, и поля площадью 1 акр [0,405 га] хватало, чтобы прокормить семью, тогда как в Англии для этого требовалось в среднем 20 акров. Это объясняет, почему население Восточной Азии было больше населения Западной Европы. Конечно, живший в эпоху Мин поэт Чжоу Шисю смотрел на сельчан сквозь розовые очки:

Здесь десять семей… много поколений жило бок о бок. Дым от их очагов смешивается везде, куда ни глянь; так и люди объединяются для ежедневной совместной работы. Сын одного человека – глава западной семьи, а дочь другого – жена западного соседа. Холодный осенний ветер овевает жертвенник духа земли. Поросят и рисовое вино приносят в жертву Предку. Старик колдун жжет в кумирне бумажные деньги, мальчики бьют в бронзовый барабан. В тишине туман укрывает посадки сахарного тростника, и капли дождя падают на поля таро, когда люди возвращаются после обрядов домой, расстилают циновки и беседуют, слегка пьяные[76].

Такие буколические сцены – лишь часть правды. Впоследствии поколения западных людей были склонны думать об имперском Китае как о статичном обществе с аллергией на нововведения. В работе “Конфуцианство и даосизм” (1915) Макс Вебер указывал, что конфуцианский рационализм есть средство “приспособления к миру”, в то время как Западу свойственно стремление к “овладению миром”. Эту точку зрения отстаивали философ Фэн Юлань в “Истории китайской философии” и кембриджский ученый Джозеф Нидэм в многотомном труде “Наука и цивилизация в Китае”. Такие объяснения, апеллирующие к культуре (привлекательные для тех, кто, подобно Фэну и Нидэму, сочувствовал маоистскому режиму после 1949 года), трудно согласуются с тем фактом, что до эпохи Мин китайская цивилизация упорно стремилась овладеть миром – с помощью техники.

Мы не знаем, кто именно изобрел водяные часы: египтяне, вавилоняне или китайцы. Однако известно, что в 1086 году Су Сун соединил водяные часы с анкерным механизмом и получил первые механические часы: 12-метровую “башню с движимыми водой [армиллярным] прибором и символизирующим [небо глобусом]” (*шуй юнь и сян тай*). В 1272 году Марко Поло видел в Даду [Пекине] колокольню с таким механизмом. Настолько точных механизмов в Англии не знали до постройки астрономических часов для соборов в Нориджe, Сент-Олбансе и Солсбери.

Считается, что печатный станок появился в Германии в xv веке. На самом деле его изобрели в xi веке в Китае. И бумага появилась в Китае раньше, чем на Западе. (То же касается бумажных денег, обоев и туалетной бумаги[77].)

Часто говорят, что сеялку изобрел английский агроном Джетро Талл в 1701 году. В действительности ее построили в Китае за две тысячи лет до него. У “ротеремского плуга” с изогнутым железным отвалом – главного орудия сельскохозяйственной революции в Англии xviii века – имелись китайские предшественники[78]. “Книга о сельском хозяйстве” (*Нун-шу*; 1313) Ван Чжэня описывает технику, во многом не известную его западным современникам[79]. Китай пережил и собственную промышленную революцию. Первая доменная печь для

[76] Dardess *Ming Landscape*, pp. 323f.

[77] Needham (ed.) *Science and Civilization*, vol. V, pp. 52, 313.

[78] Ibid., vol. VI, pp. 558, 571, 581. Также см.: Hobson *Eastern Origins*, p. 201.

[79] Mokyr *Lever of Riches*, pp. 209ff.

выплавки чугуна появилась не в Колбрукдейле в 1709 году, а в Китае около 200 года до н. э. Старейший железный мост построили не англичане, а китайцы – в провинции Юннань[80]. Объем выплавки железа, достигнутый англичанами в 1788 году, не превышал китайский показатель 1078 года. И это китайцы совершили революцию в ткачестве благодаря прялке и шелкомотальному станку с ременной передачей (эти устройства попали в xiii веке в Италию)[81]. И, конечно, далеко от истины утверждение, будто китайцы пользовались порохом, лишь чтобы пускать шутихи. В книге Цзяо Юя и Лю Цзи "Руководство огненного дракона" (*Холунцзин*; конец xiv века) описаны наземные и морские мины, ракеты, а также полые ядра, начиненные взрывчаткой.

Китайцы раньше всех обзавелись химическими инсектицидами, рыболовными катушками, спичками, магнитным компасом, игральными картами, зубными щетками и тачками. Общеизвестно, что гольф изобретен в Шотландии. Однако в "Записях с восточной веранды" Вэй Тая (*Дунсюань билу*; xi век) описана игра *чуйвань* (*чуй* – "бить", *вань* – "шарик") со специальным мячом, лунками и 10 клюшками (среди них *цуаньбан, пубан* и *шаобан*, аналогичные нашим клюшкам типа "вуд" №№ 1, 2 и 3). Китайцы инкрустировали клюшки нефритом и золотом, из чего видно, что тогда, как и сейчас, гольф был игрой богачей. И это далеко не все. В начале xv века Китай оказался на грани технического прорыва, который мог сделать императора Чжу-ди (Юнлэ) хозяином не только Срединного государства, но и буквально "всего, что под небом".

В Нанкине можно увидеть полноразмерную копию "плавучей сокровищницы" (*баочуань*) адмирала Чжэн Хэ, самого известного китайского мореплавателя. Длина корабля составляла около 120 м – почти впятеро больше "Санта-Марии", на которой в 1492 году Христофор Колумб пересек Атлантику. Флот Чжэн Хэ состоял более чем из 300 огромных океанских джонок. Эти суда с множеством мачт и переборками для увеличения непотопляемости были гораздо крупнее строившихся в xv веке в Европе. Флот Чжэн Хэ брал на борт до 28 тысяч человек и был крупнее любого западного до Первой мировой войны.

Чжэн Хэ был удивительным человеком. В возрасте 11 лет его взял в плен Чжу Юаньчжан (*Хунъу*), основатель династии Мин. Как тогда было принято, пленника кастрировали – и сделали слугой Чжу-ди, четвертого сына императора, который позднее силой захватил трон и стал править под девизом Юнлэ. За верную службу император дал Чжэн Хэ задание – изучить Западный океан.

Во время шести плаваний эпического масштаба (1405–1424)[82] флот Чжэн Хэ посетил Таиланд, Суматру, Яву и некогда великий Каликут (ныне Кожикоде в индийском штате Керала), Темасек (ныне Сингапур), Малайский полуостров, Цейлон (Шри-Ланка), Каттак (индийский штат Орисса), Ормуз, Аден и Джидду на Красном море[83]. Формально экспедиции в Западный океан предпринимались ради поиска пропавшего вместе с императорской печатью Чжу Юньвэня (правил под девизом *Цзяньвэнь*), предшественника Чжу-ди. (Любопытно, пытался ли таким образом Чжу-ди искупить убийство, открывшее ему путь к трону, или скрыть факт его совершения?) Впрочем, поиски пропавшего императора не были истинным мотивом.

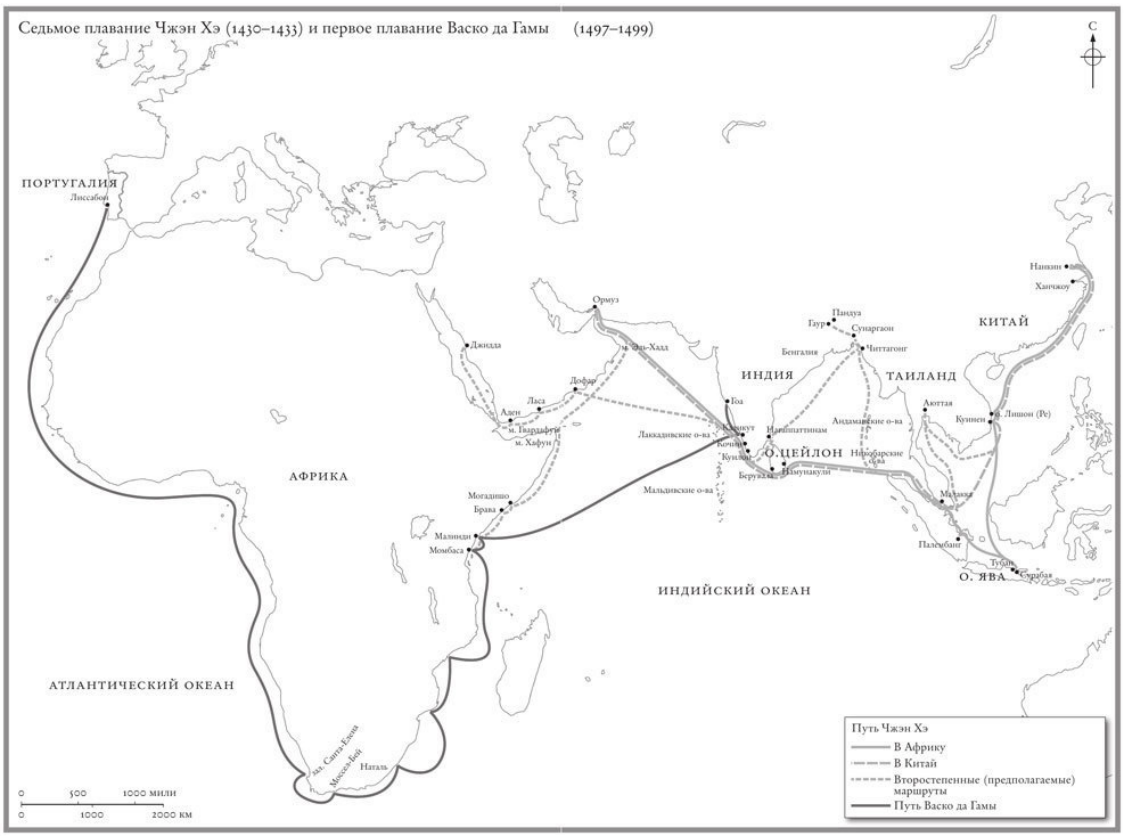
---

[80] Needham (ed.) *Science and Civilization*, vol. IV, p. 184.

[81] Ibid., vol. V, pp. 61, 157, 354, 421. Также см.: Hobson *Eastern Origins*, pp. 207–212.

[82] Седьмое плавание пришлось на 1430–1433 годы. Согласно гипотезе Гевина Мензиса, китайские суда обогнули мыс Доброй Надежды, вдоль западного побережья Африки прошли к островам Зеленого Мыса, пересекли Атлантику и достигли Огненной Земли, затем Австралии, а один из командиров Чжэн Хэ будто бы достиг даже Гренландии и вернулся домой через Берингов пролив. Подтверждения тому в лучшем случае косвенные.

[83] Levathes *When China Ruled the Seas*.



Перед седьмым, последним своим путешествием, Чжэн Хэ получил повеление отправиться “в Ормуз и другие страны, с кораблями различного размера числом 61… взять с собою цветные шелка… и закупить пеньку”. Его помощникам было приказано “закупить фарфор, железные котлы, дары, оружие, бумагу, масло, воск и прочее”[84]. Может показаться, что поход имел коммерческую подоплеку: у китайцев были товары, нужные купцам Индийского океана (фарфор, шелк и мускус), а у тех было что предложить китайцам (перец, жемчуг, драгоценные камни, слоновую кость, считавшийся целебным рог носорога)[85]. Но император (как позднее понял Адам Смит) мало думал о торговле. Эпиграфический текст того времени гласит: Чжэн Хэ должен был “вручить им [чужеземным народам] дары, дабы показать, сколь велика преобразующая мощь [царственной] добродетели, и обращаться с ними мягко”. Взамен Чжу-ди (Юнлэ) желал, чтобы иностранные правители платили ему дань, как это делали близкие соседи, и так признали его власть над собой. Да и кто отказался бы склониться перед владыкой, располагающим таким флотом?[86]

В ходе трех из своих плаваний Чжэн Хэ достиг восточного побережья Африки. Китайцы не задержались там надолго. Около 30 африканских правителей прислали своих посланников. Тех пригласили на борт, чтобы они признали “вселенское господство” минского императора. Правитель Малинди (ныне Кения) прислал дары, среди которых был живой жираф. Чжу-ди лично встретил животное в воротах своего нанкинского дворца: в жирафе признали чудо-зверя *цилиня* (единорога) – “символ совершенной добродетели, совершенного управления и совершенной гармонии в империи и вселенной”[87].

---

[84] Ray *Analysis*, p. 82.

[85] Ibid., pp. 82–84.

[86] Duyvendak *True Dates*.

[87] Cotterell *Imperial Capitals*, p. 222. Также см.: Fernandez-Armesto *Millennium*, ch. 4; *Pathfinders*, ch. 4.

В 1424 году, однако, гармония ушла. Чжу-ди умер, и вместе с ним были похоронены внешнеполитические амбиции Китая. Плавания Чжэн Хэ прекратились (последняя экспедиция в Индийский океан состоялась в 1432–1433 годах). “Морской запрет” (*хайцзинь*) не приветствовал плавания. С 1500 года китайца, замеченного в постройке судна более чем с двумя мачтами, приговаривали к смерти, а в 1551 году преступлением стал выход в море на двухмачтовом судне[88]. Отчеты о путешествиях Чжэн Хэ уничтожили, а сам адмирал умер во время плавания и, по-видимому, был похоронен в море.

Каковы причины поворота политики? Нехватка денег? Придворные интриги? Расходы на войну в Аннаме (ныне Вьетнам) оказались неожиданно высокими?[89] Недоверие конфуцианцев к “странным предметам”, привезенным Чжэн Хэ, – к тому же жирафу? Вероятно, мы не узнаем этого, однако последствия добровольной изоляции Китая очевидны.

Подобно полету “Аполлона” на Луну, путешествия Чжэн Хэ стали великолепной демонстрацией богатства и технических достижений. Посещение китайцем-евнухом восточно-африканского побережья в 1416 году во многом сопоставимо с высадкой американцев на Луну в 1969 году. Но, свернув программу изучения заокеанских земель, преемники Чжу-ди лишили это предприятие экономических перспектив.

Этого нельзя сказать о походах мореплавателя из маленького королевства, лежащего на другом конце Евразии.

[88] Landes *Wealth and Poverty*, pp. 95f.

[89] Keay *China: A History*, p. 385.

Гонка за пряностями

Недавно взошедший на престол португальский король Мануэл поручил Васко да Гаме великую миссию. Конечно, все четыре корабля португальской экспедиции поместились бы в одной "плавучей сокровищнице" Чжэн Хэ, а численность всех моряков да Гамы составляла лишь 170 человек. Но достижение поставленной цели – новые земли и пряности – могло склонить чашу весов на сторону Запада.

Европейцы были не в состоянии производить у себя корицу, гвоздику и мускатный орех, однако нуждались в них. Древний маршрут транспортировки пряностей пролегал по Индийскому океану и Красному морю либо по суше через Аравию и Анатолию. К середине xv века последний отрезок этого пути взяли под контроль турки и венецианцы. Португальцы сообразили: если найти другую дорогу в Азию – вдоль западного побережья Африки и вокруг мыса Доброй Надежды, – то сверхприбыльный бизнес может оказаться у них в руках. В 1488 году Бартоломеу Диаш, тоже португалец, обогнул мыс Доброй Надежды, однако вынужден был возвратиться. Это произошло за 9 лет до того, как да Гама прошел путь до конца.

Инструкции короля Мануэла сообщают нам нечто очень важное о методах, которыми западная цивилизация расширяла свое влияние за морем. Как мы увидим, у Запада было более одного преимущества. Главным из них была, конечно, жесткая конкуренция, ставшая двигателем Великих географических открытий. Европейцы, отправлявшиеся вокруг Африки, отнюдь не стремились за символической данью. Речь шла о том, чтобы обойти своих конкурентов в экономическом и политическом отношении. Успех да Гамы означал бы, что Лиссабон обставил Венецию. Европейские экспедиции xvi века – гонка за пряностями – были аналогом космической гонки XX века.

Восьмого июля 1497 года да Гама поднял паруса. Португальцев, четыре месяца спустя обогнувших мыс Доброй Надежды, не интересовал вопрос, каких экзотических животных они должны привезти своему повелителю. Они жаждали узнать, получилось ли у них найти то, что не вышло у других европейцев – новый маршрут транспортировки пряностей.

Васко да Гама достиг Малинди в апреле 1498 года – спустя 82 года после того, как Чжэн Хэ сошел здесь на берег. Китайцы мало что оставили в Африке после себя, кроме небольшого количества фарфора и ДНК. Считается, что около 20 китайских моряков, потерпевших кораблекрушение у острова Пате, спаслись. Они взяли в жены африканок и познакомили местных жителей с шелковым производством и особым стилем плетения корзин[90]. Португальцы, напротив, сразу увидели потенциал Малинди как торговой фактории. Да Гаму взволновала встреча с индийскими купцами, и почти наверняка с помощью одного из них он поймал муссон, принесший португальские корабли в Каликут.

Стремление к торговле было отнюдь не единственным различием между португальцами и китайцами. У пришельцев из Лиссабона была черта, которую Чжэн Хэ проявлял очень редко: беспощадность. Когда Заморин, правитель Каликута, не проявил должного интереса к дарам португальцев, да Гама взял в заложники дюжину местных жителей. Во время второй экспедиции в Индию (уже с 15 судами) он бомбардировал Каликут и увечил пленных матросов. Рассказывают, что да Гама, захватив судно, возвращавшееся из Мекки, приказал сжечь его вместе с паломниками.

Португальцы творили бесчинства, поскольку знали: открытие нового торгового маршрута может встретить сопротивление. Они верили в насилие. Аффонсу д'Албукерк, второй вице-король Индии, с гордостью сообщал своему повелителю в 1513 году: "Заслышав

[90] См.: Kristof, Nicholas D. *1492: The Prequel* // New York Times, 6 June 1999.

о нашем прибытии, [местные] корабли исчезают, и даже птицы перестают скользить над водой". Впрочем, против иных врагов бессильны и пушки, и шпаги. Половина членов первой экспедиции да Гамы не перенесла плавание – не в последнюю очередь потому, что их адмирал пытался плыть домой вокруг Африки против муссонных ветров. На родину вернулись два из четырех португальских кораблей. Да Гама умер от малярии во время третьего плавания в Индию (1524). Его останки покоятся в великолепной усыпальнице в монастыре иеронимитов в Лиссабоне. Другие португальцы приплыли прямо в Китай. Некогда китайцы могли смотреть на европейских "варваров" с безразличием, даже с презрением. Теперь жаждущие пряностей "варвары" явились к самым границам Срединного государства. Впрочем, хотя товары португальцев мало заинтересовали китайцев, первые привезли серебро, на которое в империи Мин был большой спрос: в качестве платежных средств металлические деньги вытесняли бумажные, а также трудовые повинности.

В 1557 году португальцы добрались до Макао – полуострова в дельте реки Чжуцзян. Среди неотложных дел оказалась постройка ворот Порташ-ду-Серку с надписью: "Бойтесь нашего величия и уважайте наше достоинство". К 1586 году фактория Макао приобрела такое значение, что ее признали "городом Святого имени Господня в Китае". Макао стал первым из европейских сеттльментов в Китае. Луис (Луиш) де Камоэнс, воспевший в поэме "Лузиады" экспансию португальцев, сосланный в Индию за нападение на королевского слугу и некоторое время живший в Макао, удивлялся: как крошечная Португалия с населением менее 1 % населения Китая могла надеяться захватить торговлю громадных азиатских империй? Тем не менее соотечественники де Камоэнса организовали цепь факторий на побережье Африки, в Аравии и Индии, в Малаккском проливе, на "Островах пряностей" (Моллукских островах) и даже дальше Макао. Если остались еще неоткрытые земли, писал Камоэнс о португальцах, они откроют и их[91].

К заморской экспансии присоединились и другие европейцы. Вслед за Португалией в дело вступила Испания. Испанцы перехватили инициативу в Новом Свете (см. главу 3) и основали форпост на Филиппинских островах, откуда можно было переправлять в Китай мексиканское серебро[92]. В 1494 году Тордесильясский договор разделил мир между двумя иберийскими державами, и те смогли взглянуть на имперские достижения с наибольшей уверенностью в себе. Однако голландцы – непокорные и предприимчивые подданные испанской короны – также высоко оценили потенциал нового маршрута торговли пряностями. К середине xvii века они превзошли португальцев и в числе судов, огибающих мыс Доброй Надежды, и в отношении тоннажа. Старались не отстать и французы.

А что же англичане, чьи территориальные притязания не шли дальше Франции, а ноу-хау была продажа шерсти фламандцам? Могли ли они остаться в стороне, узнав, что испанцы и французы, их главные соперники, деятельно обогащались за морем? Нет, не могли. В 1496 году Джон Кабот, отправившийся из Бристоля, предпринял первую попытку пересечь Атлантический океан. В 1553 году корабли Хью Уиллоби и Ричарда Ченслера покинули Дептфорд, чтобы найти Северо-Восточный проход в Индию. Уиллоби погиб от холода в 1554 году, а Ченслер добрался до устья Северной Двины, а затем по суше в Москву, ко двору Ивана Грозного. Вернувшись в Лондон, Ченслер, не теряя времени, учредил Компанию Московского государства ("Общество купцов-искателей для открытия неизвестных и до этого обычно не посещаемых морским путем стран, областей, островов, владений и княжеств") для торговли с русскими. Подобные проекты получали поддержку короны, поощрявшей не только тех, кто стремился за Атлантику, но и тех, кто искал дорогу к пряностям. Уже в середине xvii века

[91] Finlay *Portuguese and Chinese Maritime Imperialism*, pp. 240f.

[92] Flynn and Giraldez *Born with a "Silver Spoon"*, p. 204.

английская торговля процветала от Белфаста до Бостона, от Бенгалии до Багамских островов.

Мир впал в безумие конкуренции. Но открытым остается вопрос: почему европейцы с большим, чем китайцы, энтузиазмом относились к торговле? Почему да Гама был столь жаден, что был готов пойти на убийство ради денег? Ответ можно найти на картах средневековой Европы: здесь буквально сотни стран, от королевств на западном побережье до россыпи городов-государств между Балтикой и Адриатикой. В Европе xiv века насчитывалось до 1000 государств, 200 лет спустя – около 500 более или менее независимых образований. Почему? Самый простой ответ – география. В Китае три крупных реки: Хуанхэ, Янцзы и Чжуцзян, и все три текут с запада на восток[93]. А в Европе множество рек, и текут они в разных направлениях. Не забудем и о горах, например Альпах и Пиренеях, а также лесах и болотах Германии и Польши. Монголам было проще добраться до Китая. Европа же была менее проходима для орд и поэтому испытывала меньшую потребность в единстве. Мы не можем сказать точно, почему после Тимура азиатские нашествия на Европу прекратились. Может быть, российский щит стал крепче? Или монгольские лошади окончательно предпочли степную траву?

Конечно, гибельные конфликты случались и в Европе: вспомним хотя бы о Тридцатилетней войне (середина xvii века) в Германии. Тому, кто жил у границ примерно дюжины крупнейших европейских государств, вообще очень не везло: в 1550–1650 годах эти страны находились в состоянии войны в среднем **%** времени. В 1500–1799 годах Испания воевала 81 % этого времени, Англия – 53 %, Франция – 52 %. Однако непрерывная война приносила и выгоды. Во-первых, она вела к совершенствованию военной техники. Фортификация должна была идти вперед, поскольку артиллерия становилась мощнее и маневреннее. Руины замка “барона-разбойника” неподалеку от Зехайма в Южной Германии служили предупреждением: в 1399 году Танненберг стал первым в Европе укреплением, уничтоженным при помощи пороха.

Морские суда европейцев оставались небольшими, и не без причины. По сравнению со средиземноморской галерой, облик которой мало изменился с римских времен, португальские каравеллы конца xv века удивляют своим балансом между скоростью и огневой мощью. Каравелла могла нанести больший урон, чем любая из гигантских джонок Чжэн Хэ, и ей проще было маневрировать. С 1501 года французы стали размещать орудия вдоль бортов. Это усовершенствование превратило европейские корабли в плавучие крепости[94]. Если бы Чжэн Хэ и Васко да Гаме случилось воевать, вероятно, португальцы пустили бы неуклюжие китайские громадины на дно так же быстро, как они расправились с меньшими по размеру, но более маневренными арабскими *доу* в Индийском океане. Впрочем, в 1521 году при Танмане (нынешний Гонконг) минский флот разбил португальский.

Выигрыш от почти постоянных конфликтов в Европе состоял и в том, что доходы соперничавших государств, из которых оплачивалась война, постепенно росли. Государи Англии и Франции в 1520–1630 годах были в состоянии собрать гораздо больше налогов (в граммах серебра на душу населения), чем китайские[95]. С xiii века итальянцы, а следом и другие европейцы экспериментировали с небывалыми доселе механизмами государственных заимствований и заложили фундамент современного рынка облигаций. Институт государственного долга в Китае эпохи Мин не был известен, он появился лишь во второй половине XIX века под влиянием европейцев. Другое фискальное новшество всемирного значения – идея голландцев предоставлять монопольные права на торговлю акционерным обществам

[93] Chirot *Rise of the West*, pp. 181ff.

[94] Cipolla *Guns and Sails*, pp. 77–82.

[95] Hoffman *Why Was It that Europeans Conquered the World?* Также см.: Huang *1587*, p. 64.

в обмен на долю доходов, а также признание того, что торговые компании (по сути, субподрядчики) действуют в государственных интересах и против конкурирующих правительств. Ост-Индская компания, учрежденная в Голландии в 1602 году, и английские подражатели с аналогичной вывеской стали первыми настоящими капиталистическими корпорациями. У них были управляющие, уставный капитал, свободнообращающиеся акции и дивиденды. На Востоке не было ничего подобного. Хотя королевские доходы благодаря торговым компаниям выросли, королевские прерогативы сократились. В государстве эпохи раннего нового времени появились дополнительные влиятельные игроки: банкиры, держатели облигаций, управляющие торговых компаний.

Наконец, из-за усобиц ни один европейский монарх не мог стать могущественным настолько, чтобы препятствовать открытию и освоению заморских земель. И когда турки вторгались в Восточную Европу (в xvi и xvii веках это происходило неоднократно), в Европе не было владыки, который мог приказать португальцам сосредоточиться на угрозе с Востока[96]. Напротив, европейские монархи, соревнуясь друг с другом, поощряли торговлю, завоевания и колонизацию.

Религиозные войны бушевали в Европе более века после Реформации (см. главу 2). Но даже кровавые конфликты между протестантами и католиками, а также репрессии против евреев имели положительные стороны. В 1492 году евреев изгнали из Кастилии и Арагона. Сначала многие из них искали убежища в Османской империи, но после 1509 года еврейская община появилась и в Венеции. В 1566 году, в результате восстания голландцев против испанского владычества и образования протестантской Республики Соединенных провинций, Амстердам стал еще одним оплотом терпимости. После высылки в 1685 году из Франции гугенотов они нашли приют в Англии, Голландии и Швейцарии[97]. И, конечно, религиозное рвение стало одним из факторов для заморской экспансии. Португальский принц Энрике (Генрих Мореплаватель) поощрял моряков исследовать африканское побережье – отчасти в надежде, что они найдут мифическое государство пресвитера Иоанна, который мог бы помочь Европе справиться с турками. Васко да Гама в придачу к требованию об освобождении от таможенных пошлин нагло настаивал, чтобы правитель Каликута изгнал магометан и начал кампанию пиратства против мусульманских кораблей, идущих в сторону Мекки.

Короче говоря, характерная для Европы политическая раздробленность не позволяла построить что-либо даже отдаленно напоминающее Китайскую империю. Это также побуждало европейцев пытать счастья (в экономическом, геополитическом и религиозном отношениях) в далеких землях. Можно сказать, то была иллюстрация правила “разделяй и властвуй”, хотя, как ни парадоксально, именно благодаря тому, что европейцы были разделены, они правили миром. Для Европы малое было прекрасным, поскольку влекло за собой конкуренцию – не только между государствами, но и в их рамках.

Официально Генрих V был королем Англии, Уэльса и даже Франции, на которую он предъявлял права. При этом в сельской Англии власть в действительности находилась в руках крупной феодальной знати – потомков баронов, исторгнувших Великую хартию вольностей у короля Иоанна, а также джентри и бесчисленных церковных и светских корпораций. До Генриха VIII короли не могли приказывать церкви. Города нередко пользовались самоуправлением. И, что особенно важно, крупнейший коммерческий центр страны был почти независим. В Европе тогда имелись не только государства, но и сословия: дворянство, духовенство, бюргерство.

Можно проследить генеалогию и структуру Лондонской корпорации (*City of London Corporation*) до xii века. Иными словами, замечательно, что лорд-мэр, шерифы, олдермены,

[96] Jones *European Miracle*, p. 67.

[97] Ibid., p. 120.

советники, члены гильдий (*livery companies*) и фримены (полноправные граждане) – все это существует более 800 лет. Лондонская корпорация, один из ранних образцов автономного коммерческого предприятия, – с одной стороны прототип современных корпораций, с другой – предшественница самой демократии.

Уже в 30-х годах xii века Генрих I даровал лондонцам право избирать шерифами и судьями тех, "кого они сами пожелают", и отправлять правосудие и вести финансовые дела без вмешательства короны и других властей[98]. В 1191 году, когда Ричард I воевал в Святой земле, Лондон приобрел право выбирать себе мэра, и это право в 1215 году подтвердил король Иоанн[99]. Поэтому Сити никогда не трепетал перед короной. Мэр Томас Фицтомас, заручившись поддержкой лондонцев, в 1263–1265 годах поддержал восстание Симона де Монфора против Генриха III. В 1319 году Эдуард II вступил в конфронтацию с Сити: торговцы дорогими тканями (*mercers*) стремились избавиться от зарубежных конкурентов, и, когда король не пошел на уступки, "лондонская чернь" поддержала его низложение Роджером Мортимером. При Эдуарде III удача отвернулась от Сити. Итальянские и ганзейские купцы закрепились в Лондоне не в последнюю очередь потому, что они предоставляли английской короне ссуды на хороших условиях (это продолжилось и тогда, когда на престоле оказался несовершеннолетний Ричард II)[100]. Лондонцы не поспешили на помощь монарху во время восстания Уота Тайлера (1381) и тогда, когда Ричарду II бросили вызов лорды-апелланты. В 1392 году король лишил Лондон его свобод и привилегий, однако 5 лет спустя щедрый "дар" (10 тысяч ф. ст.) лорд-мэра Ричарда Уиттингтона вернул городу автономию. Ссуды и подарки короне стали ключом к независимости. Чем богаче был Лондон, тем он становился влиятельнее. Уиттингтон предоставил Генриху IV по меньшей мере 24 тысячи ф. ст., его сыну Генриху V – около 7,5 тысячи[101]. Сити конкурировал не только с короной: соперничество шло и в границах Лондона. Его гильдии ведут свою историю со средневековья: ткачи образовали корпорацию в 1130 году, пекари – в 1155 году, рыботорговцы – в 1272 году, ювелиры, портные и суконщики (*merchant taylors*) и скорняки – в 1327 году, торговцы тканями (*drapers*) – в 1364 году, торговцы дорогими тканями – в 1384 году, бакалейщики – в 1428 году. Эти "мастерства" (*misteries*) обладали не только значительным влиянием на определенные сектора экономики, но и политической властью. Эдуард III признал это, когда объявил, что стал "братом" гильдии портных и изготовителей поддоспешной одежды (*linen armourers*), позднее названной гильдией портных и суконщиков. К 1607 году ее почетными членами значились: 7 королей и королева, 17 принцев и герцогов, 9 графинь, герцогинь и баронесс, более 200 графов, лордов и других дворян, а также архиепископ. Сейчас 12 "больших корпораций" (торговцы дорогими тканями, бакалейщики, торговцы тканями, рыботорговцы, ювелиры, скорняки, портные и суконщики, галантерейщики, торговцы солью, торговцы железными изделиями, виноторговцы) участвуют по большей части в церемониях, однако некогда у лондонских ремесленников и купцов была настоящая власть. В лучшие времена они могли и драться, и пировать друг с другом[102].

Между прочим, многоуровневая конкуренция – между государствами и в пределах государства (и даже города) – помогает объяснить быстрое распространение и совершенствование механических часов в Европе. Уже в 30-х годах xiv века Ричард Уоллингфордский установил на южном фасаде трансепта Сент-Олбанского аббатства удивительно сложные астрономические часы. Они демонстрировали движение Солнца и Луны, звезд и планет,

[98] Birch *Historical Charters*, pp. 3f.

[99] Ibid., pp. 19f.

[100] Ibid., pp. 61f.

[101] Inwood *History of London*.

[102] Burrage and Corry *At Sixes and Sevens*.

приливы и отливы. Механические куранты были не только точнее китайских водяных часов. Они не должны были оставаться достоянием придворных астрономов. И если на соборе в некоем городе появлялся прекрасный циферблат, соседи чувствовали себя обязанными последовать этому примеру. Из Франции после 1685 года изгоняли часовщиков-протестантов, а Швейцария с удовольствием их принимала. И, как и в случае военной техники, конкуренция вела к прогрессу: часовщики допускали мелкие усовершенствования, которые, накапливаясь, положительно сказывались на точности и элегантности продукции. В конце xvi века, когда иезуит Маттео Риччи привез в Китай европейские часы, они настолько превосходили восточные приборы, что их встретили настороженно[103]. В 1602 году Риччи по приказу императора Ваньли нарисовал на рисовой бумаге прекрасную карту мира, причем поместил Китай в центре. Но, скорее всего, он понимал, что в техническом отношении Китай уже дрейфует к периферии.

Распространение башенных часов (позже и часов помельче) благодаря растущей точности их хода шло рука об руку с подъемом Европы и распространением западной цивилизации. С каждым собранным хронометром уходило еще одно мгновение эпохи восточного величия.

Восточная Азия по сравнению с “лоскутной” Европой являлась (по крайней мере в политическом отношении) однотонной. Главными врагами Срединного государства на севере были монголы, совершавшие опустошительные набеги, а на востоке японцы, промышлявшие пиратством. Со времен Цинь Шихуанди, “первого императора” (221–210 годы до н. э.), наиболее опасной для Китая представлялась угроза с севера. Соображения безопасности потребовали огромных вложений в оборону. Ничего подобного Великой стене Европа со времен императора Адриана[104] до Эриха Хоннекера не видела. Не менее грандиозной была ирригационная сеть Китая. Синолог Карл Виттфогель, одно время придерживавшийся марксистских взглядов, видел в ней важнейший продукт “гидротехнического” восточного деспотизма.

Запретный город в Пекине – еще один памятник монолитности китайской власти. Чтобы получить представление об ее мощи и своеобразном этосе, нужно через Врата высшей гармонии (*Тайхэмэнь*) пройти в Зал высшей гармонии (*Тайхэдянь*; здесь стоит Драконий трон), затем в Зал срединной гармонии (*Чжунхэдянь*; личные покои императора), а после в Зал сохранения гармонии (*Баохэдянь*; здесь проходили заключительные экзамены для поступающих на государственную службу). Ясно, что идея гармонии неразрывно связана с идеей неделимой императорской власти[105].

Как и у Великой стены, в xv веке у Запретного города не имелось аналога на Западе и тем более в Лондоне, где власть делили король, Палата лордов и Палата общин, Лондонская корпорация и гильдии. У них были дворцы и палаты – но, по восточным меркам, очень скромные. И в то время как средневековыми европейскими королевствами управляла группа потомственных землевладельцев и священнослужителей, отбираемых по прихоти монарха, Китаем на всех уровнях управляла конфуцианская бюрократия, пополняемая, вероятно, при помощи самой сложной в истории экзаменационной системы. Кандидат на чиновничью должность должен был пройти изнурительные трехступенчатые испытания. Для этого строили специальные экзаменационные центры. Один из них и сейчас можно увидеть в Нанкине: огромное, обнесенное стеной здание с тысячами комнатушек едва просторнее туалета в железнодорожном вагоне:

---

[103] Landes *Revolution in Time*, pp. 34–42.

[104] Адриан провел в 122–126 гг. через Северную Британию так называемый Адрианов вал (длина – 117 км). – *Прим. пер.*

[105] Barme′ *Forbidden City*.

Эти крошечные кирпичные “купе” [писал европейский путешественник] были около 1,1 метра в длину, 1 метр в ширину и 1,7 метра в высоту. Имелись два каменных выступа, первый из которых служил столом, второй – сиденьем. Два дня, пока шел экзамен, за кандидатами зорко наблюдали… Единственным дозволенным перемещением был приход слуг, разносивших пищу и воду или уносящих испражнения. Когда кандидат уставал, он мог достать принесенные с собой постельные принадлежности и отдохнуть. Но яркий свет в соседней ячейке, вероятно, заставлял его вновь браться за кисть… Некоторые кандидаты лишались рассудка от напряжения[106].

Без сомнения, после трех дней и двух ночей в такой обувной коробке лишь самые способные и, конечно, целеустремленные, выдерживали экзамен. В ходе аттестации акцент делали на знании конфуцианской классики – Четверокнижия (*Сы шу*) и Пятиканония (*У-Цзин*), что требовало запоминания 431286 иероглифов, и на умении написать строго формализованное “восьминогое сочинение”[107] (с 1487 года)[108]. Конечно, экзамен такого рода предполагал очень жесткую конкуренцию, но отнюдь не порождал стремление к переменам. Письменный китайский язык служил воспроизводству консервативной элиты и гарантией невмешательства масс в ее дела. Здесь заметен сильный контраст с европейскими языками. Итальянский, французский, испанский, португальский и английский языки были пригодны для высокой литературы и при этом доступны широким кругам благодаря относительно простому, допускающему распространение образованию[109].

Мудрость гласит: “Обычный человек удивляется необычным вещам. Мудрец удивляется обыденным”. Однако на пути, которым шел Китай в эпоху Мин, встречалось слишком много обыденного и слишком мало нового.

---

[106] Cotterell *Imperial Capitals*, p. 222.

[107] “Восьминогое сочинение” (*багу вэньчжан*) должно было содержать обоснования 8 тезисов (“ног”) в соответствии с определенными правилами композиции, развития темы и аргументации. – *Прим. пер.*

[108] Cotterell *China: A History*, p. 178.

[109] Catto *Written English*.

Срединное государство

Цивилизации – сложные явления. Столетиями они могут процветать, а после внезапно обратиться в прах.

Династия Мин воцарилась в Китае в 1368 году. Военачальник Чжу Юаньчжан, ставший императором, сделал девизом своего правления "Разлив воинственности" (*Хунъу*). Почти три следующих столетия, как мы видели, Китай почти во всех отношениях превосходил остальные цивилизации, а в середине xvii века эта сложная система пошла вразнос. Конечно, не следует переоценивать прежнюю стабильность. Чжу-ди (Юнлэ) наследовал своему отцу Чжу Юаньчжану только после гражданской войны и свержения законного правителя – своего племянника. Но кризис середины xvii века, бесспорно, оказался разрушительнее. Политическую борьбу усугубил налогово-бюджетный кризис, поскольку снижавшаяся покупательная способность серебра обесценивала сборы[110]. Непогода, голод и эпидемии сделали страну беззащитной перед восстаниями и иноземными вторжениями[111]. В 1644 году Пекин взяли повстанцы во главе с Ли Цзычэном. Чжу Юцзянь, последний минский император (девиз правления – *Чунчжень*), не вынеся позора, повесился. Драматический переход от конфуцианской гармонии к анархии занял немногим более десятилетия.

Великобритания и Китай: соотношение ВВП на душу населения, 1000–2008 гг.

[110] Flynn and Giraldez *Arbitrage, China, and World Trade*.

[111] Ebrey *Cambridge Illustrated History of China*, esp. p. 215.

Итоги правления династии оказались катастрофическими. В 1580–1650 годах население Китая сократилось на 35–40 %. Замкнутость обернулась западней, особенно для такого сложного общества, как китайское. Оно достигло равновесия – впечатляющего, но хрупкого. Сельское хозяйство могло прокормить на удивление много людей, но лишь при крайне статичном общественном устройстве, которое буквально перестало воспринимать что-либо новое. Это была своего рода ловушка. Когда что-то пошло не так, ловушка захлопнулась: для выхода из кризиса не нашлось ресурсов. Правда, во многих трудах империя Мин предстает процветающим государством с оживленной внутренней торговлей и рынком предметов роскоши[112]. Однако недавние исследования китайских ученых показывают, что в эпоху Мин доход на душу населения не рос, а основной капитал таял[113]. Напротив, в Англии, население которой в конце xvii века росло, заморская экспансия сыграла важнейшую роль в выводе страны из мальтузианской ловушки. Благодаря трансатлантической торговле появились новые продукты питания, например картофель и сахар (1 акр [0,405 га] посадок сахарной свеклы дает столько же калорий, сколько 12 акров пшеничного поля[114]), а также изобилие трески и сельди. Колонизация избавляла страну от избыточного населения. В результате с течением времени увеличивались производительность, доходы, потребление пищи и даже средний рост людей.

Сравним англичан с японцами, живущими на островах, расположенных на примерно таком же расстоянии от побережья Евразии. В то время как англичане упорно стремились к расширению своего влияния (“англобализация”), японцы после 1640 года, при сёгунах Токугава, взяли противоположный курс, на самоизоляцию (*сакоку*, буквально “страна на цепи”). Поскольку все контакты с внешним миром были запрещены, Япония не сумела воспользоваться выгодами, которые несли быстро развивавшаяся мировая торговля и миграция. Результаты самоизоляции поразительны. К концу xviii века более 28 % рациона английского крестьянина составляла продукция животноводства, в то время как рацион японских крестьян на 95 % состоял из злаков, главным образом риса. Это объясняет различие в росте англичан и японцев, проявившееся после 1600 года. Средний рост английских преступников в xviii веке составлял 170,2 см, а японских воинов – 158,8 см[115]. Так что когда Восток и Запад встретились, они не сумели посмотреть друг другу прямо в глаза.

Задолго до Промышленной революции небольшая Англия выигрывала в сравнении с великими цивилизациями Востока благодаря торговле и колонизации. Отказ Китая и Японии от внешней торговли и курс на интенсификацию разведения риса привели к тому, что с ростом населения доходы упали. То же произошло с питанием, средним ростом и производительностью. Когда случался неурожай или хрупкому сельскому хозяйству что-либо угрожало, результаты были катастрофическими. Англичане оказались удачливее и в выборе наркотиков. Привыкшие к алкоголю островитяне в xvii веке получили встряску от американского табака, арабского кофе и китайского чая. Кофейня служила отчасти фондовой биржей, отчасти кафе, отчасти чатом[116]. Китайцы же закончили летаргией опиумных притонов, причем их трубки наполняла Британская Ост-Индская компания[117].

Не все европейцы, подобно Адаму Смиту, замечали застой китайского государства. В 1697 году Лейбниц заявил, что желал бы над своей дверью иметь вывеску: “Справочное

---

[112] Goody *Capitalism and Modernity*, pp. 103–117.

[113] Guan and Li *GDP and Economic Structure*.

[114] См.: Mintz *Sweetness and Power*, p. 191; Higman *Sugar Revolution*.

[115] Clark *Farewell to Alms*, p. 57.

[116] Pelzer and Pelzer *Coffee Houses of Augustan London*.

[117] Также см.: Newman *Opium Smoking in Late Imperial China*.

бюро китайских знаний", а в книге "Последние новости из Китая" предложил, чтобы "к нам присылали китайских миссионеров, которые объясняли бы замысел и практику 'естественной теологии', как мы посылаем миссионеров к ним, чтобы наставить в богооткровенном учении". "Не нужно превозносить китайцев, – писал французский философ Вольтер в 1764 году, – чтобы признать… их империя поистине лучшая из тех, которые когда-либо видел мир". Два года спустя физиократ Франсуа Кенэ издал труд "Китайский деспотизм", в котором восхвалял примат сельского хозяйства в экономической политике Китая.

Те же из англичан, которые сильнее интересовались торговлей и промышленностью и менее охотно прибегали к идеализации Китая как способу завуалированной критики собственного правительства, признавали, что китайское общество находится в состоянии застоя. В 1793 году посольство во главе с будущим графом Джорджем Макартни (Макартнеем) отправилось к императору Цяньлуну, чтобы попытаться убедить его открыть Китай для внешней торговли. Хотя Макартни принципиально отказался выполнять *коутоу*[118], он преподнес Цянь-луну достойные дары: планетарий немецкой работы и, "вероятно, самую большую и совершеннейшую линзу, когда-либо изготовленную", а также телескопы, теодолиты, помпы, "электрические машины" и "огромное устройство, предназначенное для того, чтобы объяснять и демонстрировать принципы науки". Дряхлого императора (Цяньлуну было за 80 лет) и его приближенных это не слишком впечатлило:

Теперь стало ясно, что вкус [к наукам], если он когда-либо у них имелся, совершенно утрачен… [Все] … утрачено и потеряно невежественными китайцами… которые, как говорят, тотчас после отъезда посланника свалили все в чуланы Юань-минъюаня [Старого Летнего дворца]. Не больший успех имели образцы изящества и ремесел, отборнейшие британские изделия. Единственным чувством, которое, по-видимому, пробудилось в душах придворных при созерцании этих предметов, была подозрительность… Такое поведение, вероятно, можно объяснить своего рода государственной политикой, препятствующей введению новшеств.

Китайский правитель передал королю Георгу III высокомерное письмо: "Мы имеем абсолютно все. Я не придаю цены странным или хитро сделанным предметам и не нуждаюсь в изделиях вашей страны"[119].

Провал Макартни символизирует начавшееся около 1500 года смещение центра силы с Востока к Западу. Срединное государство, некогда колыбель изобретений, превратилось в посредственную страну, враждебно настроенную к иноземным новинкам. Часы – гениальное китайское изобретение – вернулись на родину в усовершенствованном европейцами виде, снабженные гораздо более точным механизмом с пружинами и шестеренками. В Запретном городе есть зал, где выставлена обширная императорская коллекция часов. В отличие от Цяньлуна, пренебрегавшего техникой, его предшественники одержимо собирали часы, и почти все они были изготовлены в Европе либо жившими в Китае европейцами.

Запад показал свою силу в июне 1842 года, когда в ответ на уничтожение запасов опиума рьяным китайским чиновником английские корабли дошли по Янцзы до Великого канала. Китай был вынужден уплатить контрибуцию в 21 миллион серебряных долларов, открыть для британской торговли 5 портов и уступить остров Гонконг. Своего рода ирония (и вместе с тем закономерность) заключалась в том, что переговоры, приведшие к подписанию первого из неравноправных договоров Китая, шли в нанкинском храме, посвященном адмиралу Чжэн Хэ и благоволившей ему богине Тяньфэй, покровительнице мореплавателей.

---

[118] Обряд тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья, совершаемый при приближении к императору. – *Прим. пер.*

[119] Barrow *Life of Macartney*, vol. I, pp. 348f.

Сейчас в Китае снова строят суда: огромные, способные плавать вокруг земного шара. Они уходят в плавание нагруженные китайскими товарами и возвращаются с сырьем, необходимым ненасытной экономике. В июне 2010 года я посетил самую большую верфь Шанхая и был поражен невероятным размером судов на стапелях. Это зрелище заставило померкнуть воспоминания моего детства о доках Глазго. Фабрики Вэньчжоу дают сотни тысяч костюмов и миллионы пластмассовых ручек. Воды Янцзы бороздят бесчисленные баржи, доверху нагруженные углем, цементом и рудой. Конкуренция, компании, рынки, торговля – от всего этого Китай когда-то отвернулся. Теперь все иначе. Чжэн Хэ, воплощение китайского экспансионизма, снова кумир Китая. Дэн Сяопин, величайший реформатор постмаоистской эпохи, однажды заявил:

Ни одна страна не может развиваться, закрывшись ото всех, не поддерживая международные связи, не привлекая передовой опыт развитых стран, а также достижения передовой науки и техники и иностранный капитал. Мы, как и наши предки, испытали этот горький опыт. В начале эпохи Мин, при Чэн-цзу, когда Чжэн Хэ бороздил Западный океан, наша страна была открыта. После смерти Чжу-ди династия пришла в упадок. В Китай пришли завоеватели. С середины эпохи Мин до Опиумных войн, за 300 лет изоляции, Китай обнищал, отстал в развитии и погряз в темноте и невежестве. О самоизоляции не может быть и речи.

Это вполне правдоподобная интерпретация истории (и замечательно близкая к Адаму Смиту). Если бы 30 лет назад вы сказали, что через полвека крупнейшей экономикой станет китайская, от вас просто отмахнулись бы. Если бы в 1420 году кто-либо заявил, что Западная Европа станет производить товаров больше, чем вся Азия, а через 500 лет средний англичанин будет в 9 раз богаче среднего китайца, его тоже сочли бы фантазером.

Глава 2. Наука

Я притворялся, будто сильно увлечен науками, и притворялся так усердно, что и в самом деле увлекся ими. Я перестал вмешиваться в какие бы то ни было дела… Я решил удалиться из отечества, а мой уход от двора доставил мне для этого благовидный предлог. Я пошел к шаху, сказал ему о своем желании познакомиться с западными науками, намекнул, что он может извлечь пользу из моих странствований.
Барон де Монтескье[120]

Было бы небесполезно объяснить, как… Бранденбург стал настолько могущественным, что сплотил против себя силы, превосходящие те, что некогда объединились против Людовика XIV.
Вольтер

Осада

С VII века, когда ислам покинул аравийские пустыни, Запад и Восток постоянно конфликтовали. Последователи Мухаммеда вели джихад против последователей Иисуса Христа. Христиане ответили крестовыми походами в Святую землю (в 1095–1272 годах их было 9) и Реконкистой – отвоеванием Испании и Португалии. Три последних века Запад (если не считать отдельных неудач) последовательно выигрывал в этом "столкновении цивилизаций" – в том числе благодаря своему превосходству в научной сфере. Однако так было не всегда[121].

Отнюдь не только религиозное рвение позволило преемникам пророка Мухаммеда создать халифат, к середине viii века простиравшийся от Толедо до Кабула. Халифат Аббасидов находился на переднем крае науки. В багдадском Доме мудрости (*Байт аль-хикма*), основанном в ix веке халифом Харуном ар-Рашидом, были переведены на арабский язык тексты Аристотеля и других греческих авторов. В халифате появились, как считается, первые настоящие больницы: в *бимаристане* (от перс. "больной"), построенном в 707 году в Дамаске халифом аль-Валидом ибн Абд аль-Маликом, больных лечили, а не просто предоставляли им крышу над головой. В халифате открылся, по-видимому, и первый университет – Карауин в Фесе (основан в 859 году). Основываясь на греческих и особенно индийских разработках, мусульманские математики открыли алгебру (от араб. *аль-джабр*). Первым алгебраическим учебником стала "Книга о восстановлении и противопоставлении" (*Китаб аль-джебр валь-мукабала*), написанная на арабском языке персом Мухаммедом ибн Мусой аль-Хорезми около 820 года. И первый ученый-экспериментатор был мусульманином: семитомная "Книга оптики" Абу Али аль-Хасана ибн аль-Хасана ибн аль-Хайсама (965 – ок. 1039) из Басры опровергла, среди других заблуждений древних, и такое: мы якобы видим потому, что глаза испускают свет. Ибн аль-Хайсам первым понял, почему снаряд надежнее пробьет стену, если ударит в нее под прямым углом, и определил, что звезды не являются твердыми телами, и построил камеру-обскуру. Его исследования продолжил в конце xiii века персидский ученый Камал ад-Дин аль-Фариси, изучавший радугу[122]. Запад должен быть благодарен средневековому мусульманскому миру, во-первых, за сохранение античной мудрости, а

[120] Пер. под ред. Е. Гунста. – *Прим. пер.*

[121] См.: Bakar *Tawhid and Science*; Morgan *Lost History*; Lyons *House of Wisdom*.

[122] FREELY *Aladdin's Lamp,* p. 163.

во-вторых, за развитие картографии, медицины, философии, математики и оптики. Роджер Бэкон признавал: “Философия пришла к нам от мусульман”[123].

Почему исламский мир проиграл Западу соревнование в науке? И как научная революция помогла западной цивилизации получить превосходство и в военном отношении, и в отношении знаний? Чтобы ответить, нам следует отправиться более чем на три столетия в прошлое, когда мусульманская держава еще всерьез угрожала Западу.

В 1683, как и в 1529 году, османская армия встала у ворот Вены. Во главе войска находился Кара Мустафа, великий визирь султана Мехмеда IV.

Османы, основавшие государство на руинах Византийской империи, со времени завоевания Константинополя в 1453 году являлись лидерами мусульманского мира. Они не ушли на восток так далеко, как Аббасиды[124], однако преуспели в насаждении ислама не только в бывших византийских землях по обе стороны черноморских проливов, но и в Болгарии, Сербии и Венгрии. Белград пал в 1521 году, Буда – в 1541 году. В 1522 году турки захватили Родос. Хотя Вена и Мальта устояли, Сулейман Великолепный (1520–1566), распространивший османское владычество от Багдада до Басры, от Вана до Аденского залива, от Алжира до Триполи, мог по праву сказать: “Я – султан султанов, властитель над властелинами… наместник Бога на земле”[125]. Мечеть в Стамбуле, названная в его честь, – неопровержимое свидетельство его притязаний (менее известно, что там же Сулейман построил медицинскую школу)[126]. Законодатель и одаренный поэт, Сулейман обладал всей полнотой религиозной, политической и экономической власти (в том числе правом устанавливать цены). Для него правитель Священной Римской империи Карл V был просто “королем Вены”[127], а португальские купцы-авантюристы казались не лучше пиратов. В те времена ожидалось, что турки примут вызов португальцев и изгонят их из Индийского океана[128].

В конце xvi века контраст между державами Габсбургов и Османов был разительным. Ожье Гислен де Бусбек, дипломат, писал:

Меня бросает в дрожь при мысли о том, каким может оказаться исход борьбы… Один из нас должен победить, второй – погибнуть… Оба не могут чувствовать себя в безопасности. При этом у них [турок] – громадные богатства их империи, нетронутые ресурсы, опыт и умение обращаться с оружием, опытные солдаты, непрерывный ряд побед, готовность сносить трудности, единение, порядок, дисциплина, бережливость и бдительность. У нас же – пустая казна, пристрастие к роскоши, исчерпанные ресурсы, уныние, необученная и недисциплинированная солдатня, склоки, никакого уважения к дисциплине, переходящее все гра-

---

[123] LYONS *House of Wisdom,* p. 5.

[124] Немаловажно, что когда Османская империя стала претендовать на название халифата, этому воспротивились шииты Персии, а также Великие Моголы.

[125] Титул Сулеймана I таков: властитель Дома Османа, султан султанов, хан ханов, предводитель правоверных и наследник пророка Владыки Вселенной, защитник святых городов Мекки, Медины и Иерусалима, правитель Константинополя, Адрианополя и Бурсы, городов Дамаска и Каира, всего Азербайджана, Магриба, Барки, Кайруана, Алеппо, Ирака Арабского и Аджема, Басры, Эль-Хасы, Дилена, Ракки, Мосула, Парфии, Диярбакыра, Киликии, вилайетов Эрзрума, Сиваса, Аданы, Карамана, Вана, Берберии, Абиссинии, Туниса, Триполи, Дамаска, Кипра, Родоса, Кандии [Крита], вилайета Мории [Пелопоннеса], Мраморного моря, Черного моря и его берегов, Анатолии, Румелии, Багдада, Курдистана, Греции, Туркестана, Татарии, Черкесии и двух областей Кабарды, Грузии, кипчакской равнины и всей страны татар, Кафы и соседних стран, Боснии и ее вассалов, города и крепости Белград, вилайета Сербии со всеми замками, крепостями и городами, всей Албании, всего Ифлака [Валахии] и Богдании [Молдавии] и проч.

[126] ÎHSANOGLU *Science, Technology and Learning,* pp. i6f.

[127] MANS EL *Constantinople,* p. 62.

[128] HAMDANI *Ottoman Response.*

ницы своеволие… пьянство и разврат, но хуже всего вот что: враг привык побеждать, а мы – проигрывать. Можем ли мы сомневаться в исходе?[129]

Семнадцатый век увидел дальнейшие успехи турок. В 1669 году они покорили Крит. Влияние султана простиралось даже до Западной Украины. На море власть турок также оставалась огромной[130]. Поэтому на Западе долго еще вспоминали 1683 год. Тщетно император Священной Римской империи Леопольд I[131] цеплялся за Вашварский мирный договор 1664 года[132] и старался убедить себя в том, что Людовик XIV представляет для него более серьезную угрозу. Летом 1682 года султан признал венгерского мятежника Имре Текели королем Венгрии в обмен на признание вассальной зависимости. Следующей зимой в Адрианополе сконцентрировались огромные силы, отправленные затем в Белград. В июне 1683 года турки вторглись во владения Габсбургов и к началу июля взяли Дьер. Леопольд в Вене трепетал от страха. Оборонительные сооружения совершенно не соответствовали угрозе, а силы городской стражи были подкошены вспышкой чумы. Казалось, что габсбургские войска под командованием Карла Лотарингского не способны остановить турок. При этом стамбульский посланник Леопольда внушал ему ложные надежды, уверяя, что турецкие силы "посредственны"[133].

13 июля 1683 года "посредственные" силы Кара Мустафы – 60 тысяч янычар и кавалеристов-сипахов, 80 тысяч солдат из балканских вспомогательных частей и татарская орда – подошли к Вене. Прозвище "Кара", "черный", говорило и о цвете лица великого визиря, и о его нраве: после взятия польского города в 1674 году он велел содрать с пленников кожу. Разбивший лагерь в 450 шагах от городских стен Кара Мустафа объявил венцам:

Если станете мусульманами, то уцелеете. Если, не став мусульманами, сдадите крепость без боя, мы выполним волю Аллаха: ни маленьким людям, ни вельможам, ни богатым, ни бедным не будет причинено ни малейшего зла, все будете жить в безопасности и мире… Если же будете сопротивляться, тогда по милости Всевышнего Вена будет… завоевана и взята, а тогда никому не будет пощады, никто не спасется[134].

Мусульманам, покорившим Византию, теперь противостояли христиане – наследники Рима. По всей Центральной Европе зазвонили колокола. Надписи на стенах собора Св. Стефана передают настроения венцев: "Мухаммед, пес, убирайся восвояси!" Больше, однако, Леопольду противопоставить было нечего. Хотя мысль о бегстве императору претила, его уговорили покинуть город.

Турки чувствовали себя хозяевами положения. Кара Мустафа у своего роскошного шатра даже разбил сад[135]. Горожане слышали странную, пугающую музыку: били большие барабаны-*кёс*. Турки шумели и для того, чтобы заглушить шум: они рыли крытые траншеи и подкопы. Взрыв огромной мины 25 июля пробил первый оборонительный рубеж. 28 августа

---

[129] FORSTER AND DANIEL (EDS.) *Life and Letters,* p. 221.

[130] HESS *Ottoman Seaborne Empire.*

[131] Леопольд олицетворял собой способность Габсбургов приобретать земли посредством брачных союзов, а не силой оружия, а также опасности близкородственных браков (так называемая "габсбургская губа"). При крещении он получил имя Леопольд Игнац Иосиф Балтазар Фелициан фон Габсбург, а его титул звучал так: Леопольд I, милостью Божией избранный Римский император, превечный Август, король Германии, король Венгрии, король Богемии, Далмации, Хорватии, Славонии, Рамы, Сербии, Галиции, Кумании, Болгарии, эрцгерцог Австрии, герцог Бургундии, Брабанта, Штирии, Каринтии, Карниолы, маркграф Моравии, герцог Люксембурга, Верхней и Нижней Силезии, Вюртемберга и Тека, принц Швабии, князь-граф Габсбург, Тироля, Кибурга и Горициии, ландграф Эльзаса, курфюрст Священной Римской империи, Бургови, Энса, Верхнего и Нижнего Лаузица [Верхней и Нижней Лужицы] и проч. Леопольд был женат трижды: на Маргарите Терезе Испанской, своей племяннице и одновременно двоюродной сестре, на эрцгерцогине Австрийской Клавдии Фелисита и, наконец, на Элеоноре Магдалене Нойбургской. У него было 16 детей, но лишь 4 пережили его.

[132] ÎNALCIK AND QuATAERT *Economic and Social History of the Ottoman Empire,* p. xviii.

[133] Stoye *Siege of Vienna,* p. 32.

[134] Ibid., p. 119. Cf. Panaite *Ottoman Law.*

[135] GOODWIN *Lords of the Horizons,* p. 229.

турки захватили равелин напротив императорского дворца, 4 сентября взорвали Замковый бастион.

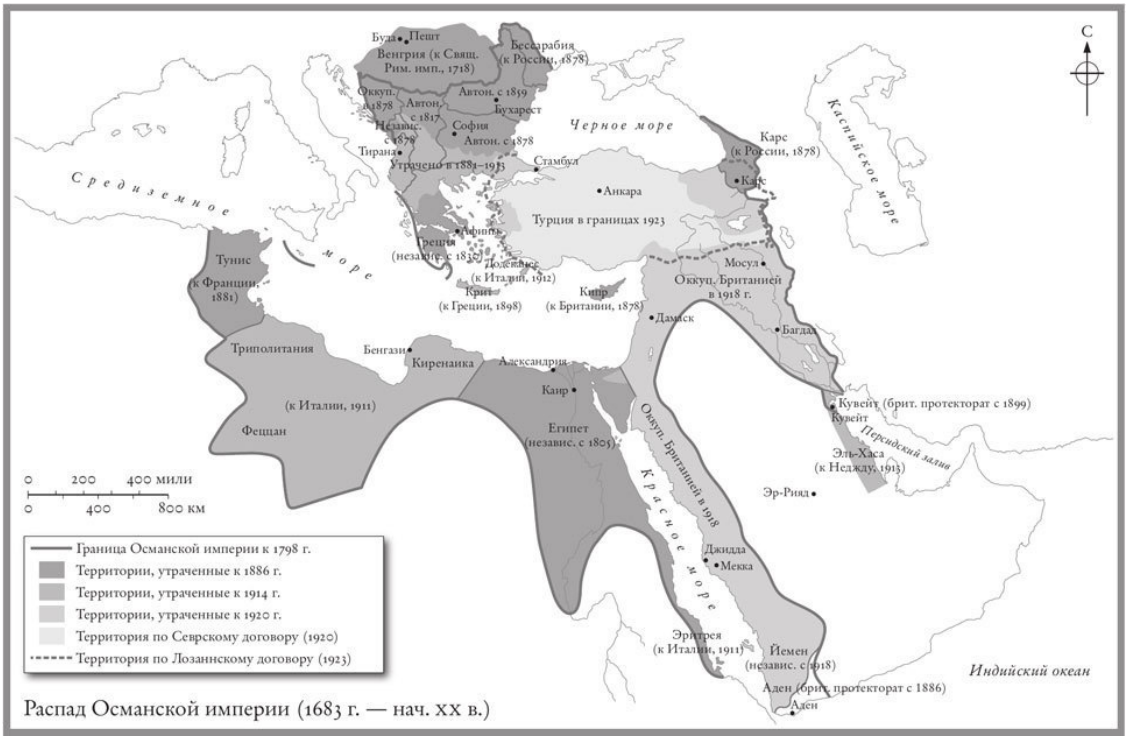
И тут Кара Мустафа дрогнул. Наступила осень. Коммуникации османской армии сильно растянулись, возникли трудности с подвозом продовольствия. Промедление турок дало Леопольду время собрать силы. Еще до османского вторжения он заключил союз с Польшей. Недавно избранный польский король Ян III Собеский – уже немолодой, но желающий прославиться – собрал 60-тысячную армию: поляков, баварцев, франконцев и саксонцев, а также габсбургские войска. Они медленно шли к Вене (не в последнюю очередь потому, что представления их предводителя о географии были весьма приблизительными). Наконец на рассвете 12 сентября 1683 года началась атака. Османские силы были разделены. Одни части отчаянно пытались ворваться в город, другие, в арьергарде, дрались с наступавшей польской пехотой. Роковым для турок обстоятельством явилось то, что Кара Мустафа мало что сделал для обороны. В 5 часов вечера Собеский повел конницу с холма Каленберг на турецкий лагерь. Как выразился турецкий очевидец, гусары казались "потоком черной смолы, устремившимся с горы и поглощавшим все на своем пути". Собеский ворвался в шатер Кара Мустафы, но обнаружил, что тот сбежал. Битва закончилась.

Горожане приветствовали Собеского как спасителя. Ликующий польский король перефразировал Цезаря: "Мы пришли, мы увидели, Бог победил" (*Venimus, vidimus, Deus vicit*). Из трофейных османских пушек отлили колокол для собора Св. Стефана, украшенный 6 головами турок. Кара Мустафа дорого заплатил за свою неудачу: султан приказал казнить своего визиря. Согласно освященной веками традиции, его удавили шелковыми шнурами.

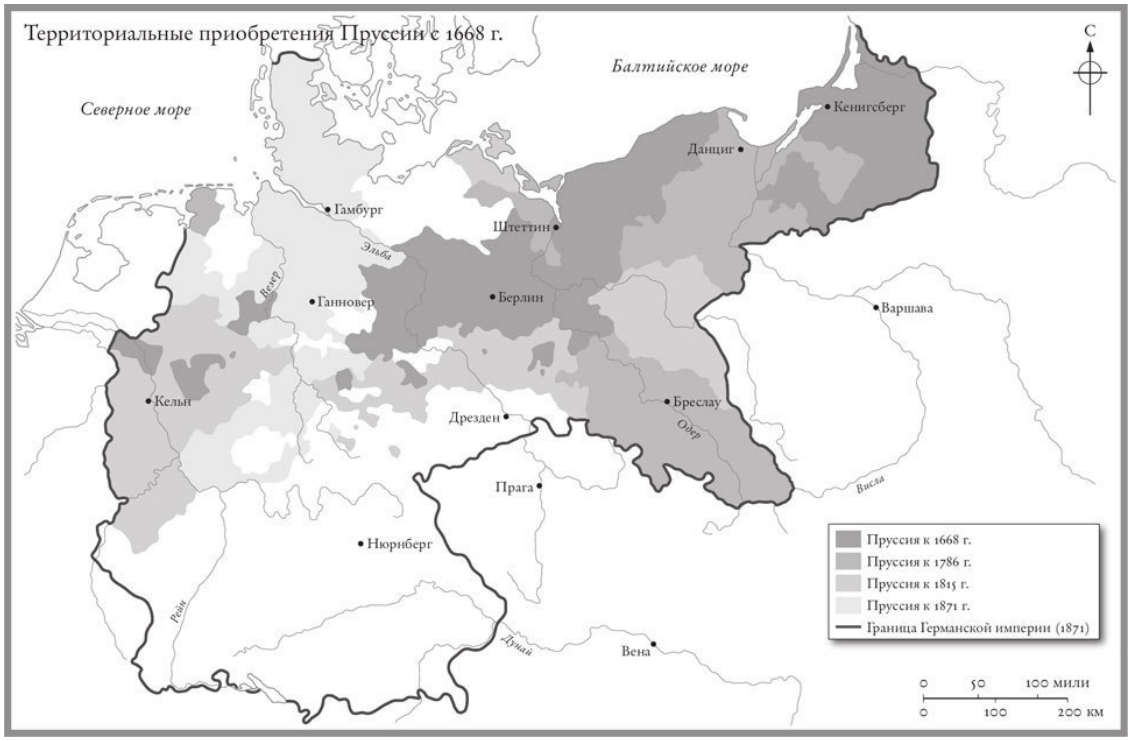
Освобождение Вены породило множество легенд: будто полумесяцы на турецких знаменах вдохновили пекарей на изобретение круассана[136], благодаря оставленному османами кофе в Вене появились первые кафе (и капуччино), а брошенные турками ударные инструменты (тарелки, треугольники и большие барабаны) живо заинтересовали австрийских военных музыкантов. Историческое значение этого эпизода гораздо серьезнее. Для Османской империи вторая неудача под Веной ознаменовала начало конца. Империя была ослаблена. После череды поражений (кульминация – победа принца Евгения Савойского при Зенте в 1697 году) османы утратили в Европе почти все земли, завоеванные Сулейманом Великолепным. Подписанный в Карловицах договор, закрепивший отказ султана от притязаний на Венгрию и Трансильванию, был унизительным[137].

[136] Эту историю, вероятно, первым поведал Альфред Готшалк в "Гастрономической энциклопедии 'Ларусс'" (1938). Сначала Готшалк приурочивал создание круассана к осаде Будапешта в 1686 году, когда некий пекарь якобы привлек внимание к звукам, которые турки издавали, роя подкопы. Позднее Готшалк изменил Будапешт 1686 года на Вену 1683 года.

[137] Lewis *What Went Wrong?* pp. i8f.



Распад Османской империи (1683 г. — нач. XX в.)



Снятие осады Вены явилось переломным моментом не только в вековом противостоянии христианства и ислама. Правда, в военном отношении Восток и Запад в 1683 году казались почти равными, да и различий между ними тогда было немного. И с той, и с другой стороны воевали татары. Христиан из османских Молдавии и Валахии обязали драться на стороне турок. Множество картин и гравюр, изображающих ту кампанию, показывают, что различия двух армий состояли скорее в покрое мундиров, чем в вооружении или тактике. Примечательным было вот что. Конец xvii века ознаменовался быстрым развитием в Европе

натурфилософии (так называли естественные науки) и политической теории. После 1683 года на Западе стали заметны глубокие перемены в осмыслении природы и власти. В 1687 году Исаак Ньютон издал “Математические начала натуральной философии”, а 3 года спустя его друг Джон Локк – “Второй трактат о правлении”.

Прекращение турецкой экспансии после 1683 года не было предопределено экономически. Стамбул был не беднее соседних городов Центральной Европы, а множество стран Европы не менее медленно, чем Османская империя, осваивало мировую торговлю, а позднее индустриализацию[138]. Объяснение упадка Китая (см. главу 1) здесь неприменимо. В Турции шла активная экономическая конкуренция, здесь имелись корпорации, подобные гильдиям[139]. Существовало заметное соперничество между государствами Османов, Сефевидов и Великих Моголов. Наконец, упадок Османской империи не следует рассматривать как следствие превосходства Запада в военном отношении[140]. Оно основалось на применении научных знаний на войне и рациональности в управлении государством. К xviii веку преимущество Запада над Востоком стало в той же степени интеллектуальным, сколько и военным.

[138] ÔZMUCUR AND PAMUK *Real Wages;* QUATAERT *Ottoman Manufacturing.* Как и в Индии, в начале XIX века кустарное текстильное производство в Турции находилось в трудном положении из-за конкуренции с Европой, однако после 1850 года дела в турецкой экономике пошли несколько лучше.

[139] RAFEQ *Making a Living;* PAMUK *Institutional Change.*

[140] GRANT *Rethinking the Ottoman “Decline”.*

Микрография

Европейский путь к научной революции и Просвещению не был ни прямым, ни коротким. Он начинается с принципа отделения церкви от государства. Предписание "воздавайте кесарю кесарево, а Божие Богу" (Мф 22:21) очень отличается от кораническ их. Коран настаивает на неотделимости божественного закона, данного в откровении Мухаммеду, от власти, основанной на исламе. Тезис Христа, различившего мирское и духовное, в v веке развил Августин Блаженный в трактате "О граде Божьем" (противопоставляется "граду земному" – Римской империи), позволил европейским правителям последовательно сопротивляться политическим притязаниям папы римского. До того, как Григорий VII (1073–1085) победил в борьбе за инвеституру, светские власти угрожали превратить пап в марионеток.

До 1500 года Европа была юдолью печали, но не неведения. Ренессанс – во многом благодаря контактам с мусульманским миром – вернул в оборот античные знания. Происходило и кое-что прежде невиданное. xii век стал свидетелем рождения на Западе полифонии. Роберт Гроссетест и Роджер Бэкон указали на первоочередную важность научного эксперимента. Около 1413 года Филиппо Брунеллески открыл законы линейной перспективы в живописи. Первым настоящим романом стало анонимное сочинение "Жизнь Ласарильо с Тормеса" (1554). Но еще важнее Ренессанса были Реформация и раскол западного христианства после 1517 года. В значительной мере это произошло под влиянием книгопечатания – несомненно, важнейшего изобретения эпохи, предшествовавшей Промышленной революции. Китайцы могут претендовать на приоритет в изобретении печатного станка (см. главу 1), однако технология Иоганна Гутенберга – металлический шрифт – была гораздо удобнее китайской. "Удивительное согласие, пропорция и гармония пуансонов и литер" (слова самого Гутенберга) позволяли быстро публиковать памфлеты и книги. И, как и рассчитывал Гутенберг, книгопечатание было чересчур мощной технологией, чтобы кто-либо имел на нее монополию. Всего за несколько лет благодаря последователям Гутенберга (например, англичанину Уильяму Кекстону) печатные станки появились в Кельне (1464), Базеле (1466), Риме (1467), Венеции (1469), Нюрнберге, Утрехте и Париже (1470), Флоренции, Милане и Неаполе (1471), Аугсбурге (1472), Будапеште, Лионе и Валенсии (1473), Кракове и Брюгге (1474), Любеке и Бреслау (1475), Вестминстере и Ростоке (1476), Женеве, Палермо и Мессине (1478), Лондоне (1480), Антверпене и Лейпциге (1481), Оденсе (1482) и Стокгольме (1483)[141]. Уже к 1500 году в одной лишь Германии было более 200 типографий. В 1518 году на немецком языке было издано 150 печатных трудов, в 1519 году – 260, в 1520 – 570, в 1524 – уже 990.

Ни один автор не получил такой выгоды от распространения печати, как немец Мартин Лютер – не в последнюю очередь потому, что он увидел пользу в том, чтобы писать не на латыни, а на своем родном языке. Начав скромно – с введения к изданию "Немецкой теологии" и "Семи покаянных псалмов", – Лютер и его виттенбергский издатель Иоганн Грюненберг вскоре наводнили немецкий рынок религиозными трактатами, критикующими католическую церковь. Самая известная листовка Лютера, „95 тезисов против продажи Церковью индульгенций", была просто прибита к дверям церкви в Виттенберге, но очень скоро она появилась и в печати[142]. Лютер настаивал[143], что "лишь вера оправдывает… Внутренний человек не может быть оправдан, освобожден или спасен какими-либо внешними делами" и что все христиане являются "священниками и царями во Христе… Мы не только свободней-

[141] STEINBERG *Five Hundred Years,* pp. 22–25.

[142] EISENSTEIN *Printing Revolution,* p. 168.

[143] Пер. К. Комарова. – *Прим. пер.*

шие из царей, но также и вечные священники, это еще превосходнее, чем быть царем, ибо как священники, мы достойны предстать пред Богом, чтобы молить о других и учить друг друга божественным истинам"[144]. Тезис о священстве всех верующих был сам по себе радикален. Но именно типографский станок придал ему силы, в отличие от вызова, который бросил Риму Ян Гус (его безжалостно сокрушили, как и средневековые ереси). Всего за несколько лет памфлеты Лютера распространились по всей Германии, несмотря на Вормсский эдикт (1521), приказывавший предавать их огню. Около 30 сочинений Лютера, опубликованных с марта 1517 года до лета 1520 года, вышли примерно 370 изданиями. Если средний тираж составлял 1 тысячу экземпляров, то к 1520 году в ходу было около 300 тысяч экземпляров. В 1521–1545 годах на одного лишь Лютера пришлась половина всех публикаций в защиту Реформации[145].

Новое средство коммуникации, делавшее акцент на важности индивидуального чтения Библии и "взаимного учения", стало сообщением – о Реформации. При этом (что верно и в отношении многих других аспектов западного доминирования) не последнюю роль играла конкуренция. Лютер называл своих издателей "жадными наемниками", которые больше заботились "о прибыли, чем о читателях"[146]. Но от книгопечатания выигрывали все: в xvi веке города, в которых имелись типографии, развивались быстрее тех, в которых типографий не было[147].

Важно, что благодаря книгопечатанию распространялось не только учение Лютера. Новый Завет был впервые издан на английском языке в 1526 году (в переводе Уильяма Тиндаля). Это позволило грамотным мирянам самостоятельно читать Писание. Консерваторам оставалось лишь проклинать печатный станок, эту "зловредную машину", и вспоминать с ностальгией о "блаженных временах, когда все Учение содержалось в рукописях, и некое лицо… хранило ключи от библиотеки"[148]. Но те дни безвозвратно ушли. Канцлер Генриха VIII Томас Мор быстро понял, что даже у противников Реформации нет иного выбора, кроме как выступать в печати. Единственным способом ограничить распространение в Шотландии и Англии кальвинистской Женевской Библии (1560) для Якова VI Шотландского (он же Яков I Английский) стало введение в оборот альтернативной "авторизованной" версии Библии – третьей и самой успешной попытки официального английского перевода[149]. Благодаря книгопечатанию распространялись произведения древних философов (например, Аристотеля; его трактат "О душе" вышел в новом переводе в 1509 году), а также гуманистов предреформационной эпохи, например Николауса Маршалка. Уже к 1500 году из печати вышло более тысячи математических и научных работ, в том числе поэма Лукреция "О природе вещей" (открытая в 1417 году), компиляция Цельса "О врачебном деле", латин ские переводы Архимеда[150]. В распространении полезных для торговли методов вычислений и учета, содержащихся, например, в арифметическом учебнике из Тревизо (1478) и "Сумме арифметики, геометрии, учения о пропорциях и отношениях" (1494) Луки Пачоли, особенно заметную роль сыграли итальянские печатники.

---

[144] LUTHER *Concerning Christian Liberty* (1520).

[145] CROFTS *Printing, Reform and Catholic Reformation,* p. 376.

[146] HOLBORN *Printing and the Growth of a Protestant Movement,* pp. 134f.

[147] DITTMAR *Ideas, Technology, and Economic Change.*

[148] WALSHAM *Unclasping the Book?* p. 156.

[149] "Авторизованная" версия (так называют Библию короля Якова 1611 года) стоит в одном ряду с пьесами Шекспира, среди величайших произведений английской литературы. Группу из 47 ученых, которые выполнили этот перевод, лишь раз подвели королевские печатники. В издании 1631 года, известном как "Библия прелюбодеев", в пассаже "не прелюбы сотвори" пропущена частица "не".

[150] HALL *Intellectual Tendencies,* pp. 390f.

Но примечательнее всего было, наверное, вот что. Когда антитурецкие памфлеты были почти столь же популярны, как антипапистские трактаты в Германии[151], в типографии Иоганна Опорина в Базеле напечатали Коран на латинском. В 1542 году, когда городской совет Базеля запретил издание и постановил изъять тираж, в защиту Опорина выступил сам Лютер:

Нельзя причинить Мухаммеду или же туркам вреда большего… нежели открыто показать их Коран христианам, чтобы те сами увидели, что за богохульную, отвратительную и гнусную книгу, полную лжи, небылиц и кощунства, турки скрывали и приукрашивали… Во имя Христа, во имя блага христиан, чтобы нанести ущерб туркам, досадить дьяволу, распространяйте эту книгу свободно и не запрещайте ее… Надо открыть язвы и раны, чтобы исцелить их[152].

Коран напечатали тремя тиражами в 1543 году, следующее издание появилось 7 лет спустя. Едва ли можно найти лучший пример открытости европейского мышления после Реформации.

Конечно, не все, что публиковалось, увеличивало сумму знаний. Многое из того, что появилось в печати в xvi – xvii веках, принесло немалый вред, например “Молот ведьм” (*Malleus maleficarum*), вышедший в 1487–1669 годах 29 изданиями. Эта книга поощряла преследование ведьм, стоившее жизни 12–45 тысячам людей, в основном женщинам[153]. Зрителям пьесы “Трагическая история доктора Фауста” Кристофера Марло (1592) сюжет о немецком ученом, продавшем душу дьяволу в обмен на 24 года безграничной власти и удовольствий, казался вполне убедительным:

Он даст мне власть; царем великим стану,
Воздушный мост построю над простором
И перейду с войсками океан.
Солью холмистый берег африканский
С Испанией в единую страну,
Которая подвластна будет мне;
Во всем мне покорится император
И прочие германские монархи[154].

А всего 70 лет спустя Роберт Гук опубликовал “Микрографию” (1665), триумф эмпиризма:

Благодаря телескопам нет ничего столь далекого, что не может быть явлено нашему взору. Благодаря микроскопам нет ничего столь малого, что может укрыться от нас. Таким образом, новый… мир открылся для познания… Небеса распахнулись, и явилось множество новых звезд, и движений, и новых порождений, неведомых древним астрономам. Сама Земля, столь близкая, лежащая у нас под ногами, является нам в новом свете… Возможно, нам дана способность распознать все тайные дела природы. К чему медлить?.. Рассуждения и обмен мнениями быстро обратились бы в дела. Все высокие мечты… и метафизические сущности… быстро испарились бы, уступив место надежным данным, экспериментам и исследованиям. И, подобно тому, как сначала люди совершили грехопадение, вкусив запретного плода с древа познания, мы, их потомки, можем в некоторой мере очиститься… вкушая плоды познания природы, которые не были никогда запретными.

---

[151] BoHNSTEDT *Infidel Scourge of God,* p. 24.

[152] CLARK *Publication of the Koran,* p. 9.

[153] THOMAS *Religion and the Decline of Magic;* LEVACK *Witch-Hunt.*

[154] Пер. Е. Бируковой. – *Прим. пер.*

Применение Гуком термина “клетка” к элементу живой материи явилось одним из множества открытий, удивительным образом произошедших в одно и то же время и в одном и том же месте, и радикально изменило взгляд на природу.

Научная революция началась с почти одновременных успехов в исследовании движения планет и кровообращения. Но микроскоп указал науке новые пути. “Микрография” Гука стала манифестом эмпиризма, противоположного фаустовской магии. Новая наука была связана не только с наблюдением. Начиная с Галилея, ученые занялись систематическим экспериментированием и определением математических зависимостей. Возможности математики расширились, когда Исаак Ньютон и Готфрид Вильгельм Лейбниц открыли исчисление бесконечно малых и дифференциальное исчисление. Научная революция сказалась и на философии: Декарт и Спиноза отвергли традиционные воззрения и на чувственное познание, и на разум. Без преувеличения можно сказать, что каскад интеллектуальных новшеств породил современную анатомию, астрономию, биологию, химию, геологию, геометрию, математику, механику и физику. Взглянем на список 29 важнейших открытий 1530–1789 годов[155].

1530 Парацельс новаторски применил химию во врачебном деле.

1543 Николай Коперник (“Об обращении небесных тел”) обосновал гелиоцентрическое строение Солнечной системы. Андреас Везалий (“О строении человеческого тела”) опроверг учение Галена.

1546 Агрикола (“О природе ископаемых”) предложил классификацию полезных ископаемых и термин “фоссилии”.

1572 Тихо Браге впервые в Европе провел наблюдения за сверхновой.

1589 Галилео Галилей провел опыты с падающими телами (“О движении падающих тел”) и революционизировал методику экспериментального исследования природы.

1600 Уильям Гильберт (“О магните, магнитных телах и о большом магните – Земле”) описал магнитные свойства нашей планеты и электричество.

1604 Галилей установил, что пройденный падающим телом путь пропорционален квадрату времени его падения.

1608 Ханс Липперсгей и Захарий Янсен независимо друг от друга изобрели телескоп.

1609 Галилей провел первые наблюдения за звездным небом при помощи телескопа.

1610 Галилей открыл 4 спутника Юпитера и пришел к выводу, что Земля не в центре вселенной.

1614 Джон Непер (“Описание удивительной таблицы логарифмов”) изобрел логарифмы.

1628 Уильям Гарвей (“Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных”) точно описал кровообращение.

1637 Рене Декарт (“Геометрия”, приложение к трактату “Рассуждение о методе”) основал аналитическую геометрию.

1638 Галилей (“Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки”) заложил основы современной механики.

1640 Пьер Ферма создал теорию чисел.

1654 Ферма и Блез Паскаль открыли теорию вероятностей.

---

[155] Из 369 открытий, упомянутых буквально во всех справочниках по истории науки, удивительно большая доля (38 %) приходится на период между Реформацией и Французской революцией. Роль свободы мысли, религиозной и политической, является ключевой переменной в прискорбно недооцененной теории Чарльза Мюррея о человеческих достижениях. Мюррей также указывает на положительный эффект урбанизации и, как это ни парадоксально, военных конфликтов. Как мы увидим, связь войны с научными достижениями действительно существует, и очень тесная.

1661 Роберт Бойль (“Химик-скептик”) сформулировал понятие химического элемента, ввел понятие химического анализа.

1662 Бойль открыл закон (закон Бойля – Мариотта), гласящий: при постоянной температуре объем данного количества газа обратно пропорционален давлению, под которым он находится.

1669 Исаак Ньютон (“Об анализе уравнениями бесконечных рядов”) представил систематическую теорию исчисления, которую независимо от него разработал Готфрид Вильгельм Лейбниц.

1676 Антони ван Левенгук открыл микроорганизмы.

1687 Ньютон (“Математические начала натуральной философии”) сформулировал закон всемирного тяготения и три закона движения.

1735 Карл Линней (“Система природы”) систематизировал живые существа.

1738 Даниил Бернулли (“Гидродинамика”) заложил основы изучения динамики жидкостей и газов.

1746 Жан Этьен Геттар составил первые настоящие геологические карты.

1755 Джозеф Блэк открыл углекислый газ.

1775 Антуан Лавуазье точно описал процесс горения.

1785 Джеймс Геттон (Хаттон) в “Теории Земли” отстаивает актуалистскую (униформистскую) точку зрения на развитие нашей планеты.

1789 Лавуазье (“Трактат о химии”) сформулировал закон сохранения массы.

К середине xvii века научные знания стали распространяться столь же быстро, как столетием ранее протестантское учение. Благодаря печатному станку и все более надежной почте сложилась удивительная сеть – по современным меркам неширокая, однако более мощная, чем любая из имевшихся в распоряжении ученых. Конечно, имелось и интеллектуальное сопротивление, совершенно закономерное при смене парадигмы, причем отчасти это сопротивление шло изнутри научного сообщества[156]. Так, Ньютон занимался алхимией, а Гук едва не погубил себя шарлатанскими средствами от несварения желудка. Было не так-то легко совместить новую науку с христианской доктриной, от которой были готовы отказаться не многие[157]. Бесспорно, интеллектуальная революция оказала влияние сильнейшее, нежели религиозная, ей предшествовавшая и неумышленно ее вызвавшая. Сложились основные правила исследований, в том числе касающиеся публикации результатов и приоритета. “Ваше первое письмо [статья] обратило меня в ньютоновскую веру, а второе явилось конфирмацией. Благодарю Вас за причастие”, – писал молодой французский философ и острослов Франсуа-Мари Аруэ (Вольтер) Пьеру Луи Моро де Мопертюи после публикации последним трактата “О различных фигурах планет” (1732)[158]. Сказано с иронией, но кое-что говорит о характере новой науки.

Перед теми, кто порицает “европоцентризм” как предубеждение, встает проблема: научная революция всецело европоцентрична. Около 80 % ее героев родилось в шестиугольнике с вершинами в Глазго, Копенгагене, Кракове, Неаполе, Марселе и Плимуте (а почти все остальные родились не дальше 160 км)[159]. Напротив, научные успехи турок в тот же период были скромны. Лучшее объяснение этого расхождения – неограниченная власть религии в мусульманском мире. В конце xi века некоторые влиятельные имамы решили, что изучение

---

[156] KUHN *Structure of Scientific Revolutions.*

[157] HENRY *Scientific Revolution,* p. 74.

[158] SHANK *Newton Wars,* p. 239.

[159] Murray Human Accomplishment, esp. pp. 257f., 297f. Также см.: Basalla Spread of Western Science.

греческой философии несовместимо с Кораном[160]. (Воистину богохульная мысль: будто бы человек в состоянии понять божественный замысел!) По словам Абу Хамида аль-Газали, автора "Самоопровержения философов" (*Тахафут аль-фаласифа*), "редко случается, чтобы некто погружался в эту [иностранную] науку, не отрекаясь от религии и не отпуская поводья благочестия"[161]. Изучение древней философии было свернуто. Книги жгли, а вольнодумцев преследовали. Медресе сосредоточились на богословии как раз тогда, когда европейские университеты расширяли круг своих интересов. Мусульманский мир сопротивлялся и книгопечатанию[162]. Письмо для турок было священно: перо вызывало религиозное почтение, искусство каллиграфа почиталось выше ремесла печатника. Изречение гласит: "Чернила ученого святее крови мученика"[163]. Смерть, согласно фирману султана Селима I (1515), ждала застигнутого за использованием печатного станка[164]. Неспособность турок примирить ислам с научным прогрессом имела для них пагубные последствия. Некогда дав европейским ученым идеи и вдохновение, ученые-мусульмане теперь были фактически отстранены от исследований. Единственной западной книгой, до конца xviii века переведенной на ближневосточный язык, была книга о сифилисе[165].

Ничто не иллюстрирует это расхождение лучше, чем судьба обсерватории, построенной в Стамбуле в 70-х годах xvi века для Такиюддина Мухаммада ибн Маруфа аш-Шами аль-Асади. Такиюддин, родившийся в Сирии в 1521 году и получивший образование в Дамаске и Каире, был одаренным ученым, автором многочисленных трактатов по астрономии, математике и оптике. Он спроектировал собственные, очень точные, астрономические часы и даже экспериментировал с энергией пара. В середине 70-х годов xvi века Такиюддин, будучи главным придворным астрономом, добился постройки обсерватории. Судя по всему, "Дом новых наблюдений" имел сложнейшее оборудование, сопоставимое с аппаратурой Ураниборга, обсерватории Тихо Браге. 11 сентября 1577 года над Стамбулом появилась комета, и это потребовало астрологического толкования. По некоторым свидетельствам, Такиюддин недальновидно интерпретировал его как предвестие победы турецкой армии. Шейх-ульислам Кадизаде убедил султана в том, что занятия Такиюддина, сующего нос в небесные тайны, в той же степени богохульны, как и астрономические таблицы (*Зидж-и джедид-и Гургани*) самаркандца Улугбека (вероятно, обезглавленного за подобные же безрассудства). В январе 1580 года – лишь 5 лет спустя после завершения строительства – султан приказал разрушить обсерваторию Такиюддина[166]. До 1868 года в Стамбуле не было обсерватории. Так духовенство лишило турок шансов на научный прогресс в тот самый момент, когда христианские церкви Европы начали ослаблять свой контроль над поиском знания. Достижения европейцев Стамбул отвергал как "тщету"[167]. Наследие некогда знаменитого Дома мудрости растворилось в благочестии. Даже в начале XIX века Хюсейин Рыфкы Тамани, главный преподаватель Инженерной школы, еще объяснял курсантам: "Вселенная выглядит как сфера, центр коей – Земля… Солнце и Луна вращаются вокруг земного шара и относительно знаков зодиака"[168].

---

[160] SMITH *Science and Technology.* Также см.: CLARK *Aristotle and Averroes.*

[161] DEEN *Science under Islam,* pp. *ni*ff.; HUFF *Rise of Early Modern Science,* p. 92.

[162] HUFF *Rise of Early Modern Science,* p. 75.

[163] DEEN *Science under Islam,* pp. 4f.; FAROQHI *Subjects of the Sultan.*

[164] Mansel *Constantinople,* p. 45.

[165] Lewis *What Went Wrong?* p. 43.

[166] BARKEY *Empire of Difference,* pp. 232f.; ÏHSANOGLU *Science, Technology and Learning,* p. 20. Также см.: MANSEL *Constantinople,* p. 46; VLAHAKIS ET AL. *Imperialism and Science,* p. 79.

[167] ÏHSANOGLU *Science, Technology and Learning,* p. 4.

[168] Barkey *Empire of Difference,* p. 233.

Во второй половине xvii века, пока Османская империя пребывала в полусне, правители Европы поощряли развитие науки – как правило, игнорируя мнение церкви на этот счет. В июле 1662 года Карл II своей хартией утвердил Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе (спустя два года после его создания в Грешем-колледже) “для развития физико-математического экспериментального исследования”. Основателями Общества, по словам его первого историка, были свободно допущенные люди различных религий, стран и занятий… Иначе невозможно было бы добиться исполнения широких деклараций. Они открыто заявили, что основывают институцию не на английской, шотландской, ирландской, папистской или протестантской философии, но на философии человечества… и положили начало многим великим достижениям[169].

Четыре года спустя в Париже была основана Королевская академия наук – первоначально как картографический центр[170]. Так появилась модель для всей Европы. Среди основателей Королевского общества был Кристофер Рен – архитектор, математик, ученый и астроном. Карл II, поручивший Рену в 1675 году спроектировать Королевскую обсерваторию в Гринвиче, конечно, не ждал предсказаний исхода битв. Король хорошо понимал, что развитие настоящей науки отвечает национальным интересам.

Королевское общество заняло столь заметное место не столько благодаря королевскому патронажу: оно являлось частью научного сообщества нового типа, позволявшего распространять идеи и коллективно решать задачи благодаря открытой конкуренции. Классический пример – закон всемирного тяготения, который Ньютон, возможно, не вывел бы без Гука. Королевское общество (Ньютон возглавил его в 1703 году) стало центром научной сети. Конечно, наука тогда не была, да и не является теперь, всецело коллективным делом. Тогда, как и теперь, учеными двигали и честолюбие, и альтруизм, однако из-за необходимости публиковать результаты сумма знаний увеличивалась. Порой возникали ожесточенные споры о приоритете. Ньютон и Гук спорили, кто первым открыл закон всемирного тяготения (закон обратных квадратов) и постиг истинную природу света[171]. Ньютон вел столь же постыдный спор с Лейбницем, отвергавшим идею всемирного тяготения как некоторое “оккультное качество”[172]. Действительно, между метафизиками с континента и эмпириками с Британских островов имелось недопонимание. Казалось вероятнее, что именно сторонники эмпирического направления с его идеалом опытного знания добьются прогресса в технике, без которого не было бы Промышленной революции (см. главу 5)[173]. Путь от законов Ньютона до паровой машины Томаса Ньюкомена (откачивавшей воду из угольных шахт в Уайтхейвене в 1715 году) короткий и прямой, хотя Ньюкомен был скромным кузнецом из Дартмута[174]. Не случайно три из важнейших новинок – паровой двигатель Джеймса Уатта (1764), определявший долготу морской хронометр Джона Харрисона (1761), прядильная ватермашина Ричарда Аркрайта (1769) – были изобретены в одной и той же стране в одно и то же десятилетие.

Ньютон умер в марте 1727 года. Его тело в пышном убранстве на 4 дня выставили в Вестминстерском аббатстве, а на похоронах гроб сопровождали два герцога, три графа и лорд-канцлер. Это видел Вольтер. Пораженный философ после возвращения во Францию записал: “Я видел, как математика – лишь потому, что он был велик в своем призвании, –

---

[169] SPRAT *History of the Royal Society,* pp. *G}f.*

[170] FernÂNDEZ-ArmesTO *Pathfinders,* p. 281.

[171] Gribbin *Fellowship,* pp. 253f.

[172] HALL *Philosophers at War.*

[173] STEWART *Rise of Public Science,* p. 258.

[174] ALLEN *Steam Engine;* ALLEN *17ųand Other Newcomen Engines.*

хоронили как короля, который был милостив к своим подданным”. Наука и государство на Западе стали партнерами. И ни один монарх не продемонстрировал преимущества этого партнерства лучше, чем друг Вольтера Фридрих Великий.

Осман и Фриц

Спустя 70 лет после осады Вены два человека стали воплощением расширяющегося разрыва между западной и конкурирующей с ней мусульманской цивилизациями. Осман III лениво правил из Стамбула империей, клонящейся к упадку, а Фридрих Великий проводил реформы, которые сделали Пруссию олицетворением эффективности и рациональности. Османская империя казалась столь же сильной, как и в дни Сулеймана Великолепного, однако с середины xvii века испытывала острый структурный кризис. Налицо были бюджетно-налоговый (государственные расходы значительно превышали поступления) и валютный кризис – в виде пришедшей из Нового Света инфляции, сопровождавшейся порчей монеты и ростом цен[175]. При визирях из семьи Кепрюлю – Мехмед-паше, Фазыл Ахмед-паше и его названом брате Кара Мустафе-паше шла постоянная борьба за то, чтобы покрыть расходы огромного султанского двора, держать в узде янычар (пехоту, некогда дававшую обет безбрачия, а теперь ставшую своего рода потомственной самовластной кастой), а также наместников отдаленных областей империи. Росла коррупция. Усиливались центробежные тенденции. Власть землевладельцев-*сипахов* падала. Мятежники (например, *джелали* в Анатолии) бросили вызов центральному правительству. Также существовал религиозный конфликт между ортодоксальным духовенством (Кадизаде Мехмет и другие), которое объясняло все неурядицы отходом от слова Пророка[176], и суфийскими мистиками, например Бурханеддин Сиваси[177]. Прежде чиновников набирали из рабов (система *девширме*), нередко из христиан с Балканского полуострова. Теперь же, казалось, занятие должностей и продвижение по службе больше зависели от взяток и связей, нежели от способностей. Размер взяток вырос, поскольку люди стремились использовать должности для обогащения[178]. Падение административных стандартов можно проследить по государственным документам. Так, отчет о переписи 1458 года составлен безукоризненно, а к 1694 году аналогичные бумаги стали составлять предельно неряшливо, с сокращениями и исправлениями[179]. Турецкие чиновники хорошо понимали, что происходит, но единственным средством, которое они могли порекомендовать, было возвращение к старым добрым временам Сулеймана Великолепного[180].

Возможно, наиболее серьезной проблемой Турции являлось измельчание султанов. Часто происходили перевороты. Между 1566 годом, когда умер Сулейман Великолепный, и 1648 годом, когда взошел на трон Мехмед IV, правило 9 султанов, причем пятерых из них свергли и двоих убили. Многобрачие предполагало, что султаны не испытывали тех трудностей, что христианские монархи вроде Генриха VIII (тот, желая обрести наследника, женился 6 раз). В Стамбуле ситуация была иной. Лишь один из обычно многочисленных сыновей султана мог стать правителем, и до 1607 года остальных неизменно душили, чтобы застраховаться от их притязаний на трон. Это едва ли способствовало сыновней любви. Судьба Мустафы, старшего и самого способного сына Сулеймана, оказалась вполне типичной. Его убили в шатре собственного отца из-за интриг второй жены султана, мачехи Мустафы, устраивавшей судьбу собственных детей. Другой сын, Баязид, также был задушен. К моменту восшествия на престол Мехмеда III в 1597 году погибли 19 из его братьев. После 1607 года

---

[175] GOLDSTONE *Revolution and Rebellion,* p. 367. Также см.: Ger-BER *Monetary System;* PAMUK *Prices.*

[176] GOFFMAN *Ottoman Empire and Early Modern Europe,* p. 119.

[177] SHAW *History of the Ottoman Empire,* p. 207.

[178] LEWIS *Middle East,* p. 126. Также см.: GOLDSTONE *Revolution and Rebellion,* pp. 378f.

[179] LEWIS *Modern Turkey,* p. 23.

[180] COLES *Ottoman Impact,* p. 163.

практика избиения была оставлена в пользу первородства. Младших сыновей заточали в гарем, где жили жены, наложницы и дети султана[181].

Характеристика обстановки в гареме как "нездоровой" явно недостаточна. Осман III взошел на престол в возрасте 57 лет, причем 51 год он провел в гареме. Ко времени воцарения Осман III, почти ничего не знавший о собственном государстве, приобрел такую ненависть к женщинам, что носил обувь, подбитую железом. Предполагалось, что, заслышав его шаги, женщины будут прятаться. Полвека избегания наложниц едва ли были хорошей подготовкой к управлению империей. В странах, лежащих к северу от Балкан, жизнь королей была совсем иной.

"Правитель – первый слуга государства, – писал Фридрих Великий в 1752 году в первом из двух политических завещаний, обращенных к потомкам. – Ему хорошо платят, так что он может содержать себя в добром порядке, но взамен от него требуется… труд на благо державы"[182]. Сходные мысли высказывал прадед Фридриха – "Великий курфюрст" Фридрих Вильгельм I, превративший разоренный войной Бранденбург в ядро государства с самым жестким в Центральной Европе управлением, с финансовой системой, основанной на эффективной эксплуатации обширных казенных земель, с опорой на лояльных землевладельцев, пригодных и для военной, и для чиновничьей службы, а также с вымуштрованной армией, набранной из крестьян. К 1701 году, когда сын Фридриха Вильгельма I Фридрих I стал королем Пруссии, государство казалось самым близким приближением к идеальной абсолютной монархии, которую Томас Гоббс рекомендовал как противоядие от анархии. То был молодой, поджарый Левиафан.

Контраст с Турцией хорошо заметен в резиденции Фридриха Великого в Потсдаме (ее спроектировал сам король). Это скорее вилла, чем дворец, и, хотя она называлась Сан-Суси, "без забот", ее хозяин забот вовсе не избегал: "У меня нет интересов, которые не являются интересами и моего народа. Если они несовместимы, то предпочтение должно быть отдано благосостоянию и пользе страны".

Простое убранство Сан-Суси служило примером для прусской бюрократии. Ее лозунгами стали строгая самодисциплина, железный порядок и абсолютная неподкупность. В Сан-Суси Фридрих держал малый штат слуг: 6 посыльных, 5 лакеев, 2 пажа. А вот камердинера у короля не было, поскольку его гардероб отличался простотой: как правило, он носил старый мундир в пятнах от нюхательного табака. Фридрих считал, что монаршее облачение непрактично, а корона – это просто "шляпа, не защищающая от дождя"[183]. По сравнению со своим венценосным коллегой из дворца Топкапы прусский король вел монашескую жизнь. Вместо гарема у Фридриха была одна жена – Елизавета Кристина Брауншвейгская, – которую он, впрочем, терпеть не мог. "Мадам располнела", – так король поприветствовал супругу после одной из долгих разлук[184]. Контраст заметен и в документах. Каждое мгновение жизни прусского кабинета, тщательно запротоколированное, – полная противоположность турецким обычаям ведения дел xviii века.

Лорд Байрон однажды написал другу: "Модные пороки в Англии – разврат и пьянство, в Турции гомосексуализм и курение, мы предпочитаем девушку и бутылку, они трубку и катамитов"[185]. Фридрих Великий, отец просвещенного абсолютизма, возможно, был бы счастливее, если бы жил при османском дворе. Впечатлительный интеллектуал, вероятно с

---

[181] MANSEL *Constantinople,* pp. 86–96; GOODWIN *Lords of the Horizons,* p. 168.

[182] CLARK *Iron Kingdom,* p. 240.

[183] YBARRA, T. R. *Potsdam of Frederick the Great – After William II* // New York Times, 10 September 1922.

[184] CLARK *Iron Kingdom,* p. 189.

[185] Письмо к Генри Друри от 3 мая 1818 года. – *Прим. пер.*

гомосексуальными наклонностями, прошел строгое, порой садистское, обучение под руководством своего отца Фридриха Вильгельма I – человека вспыльчивого и грубого.

Пока Фридрих Вильгельм I предавался буйному веселью в "табачной коллегии", его сын искал утешения в истории, музыке и философии. Принц для придирчивого отца был "изнеженным мальчишкой, в котором нет ни намека на мужественность, который не умеет ни ездить верхом, ни стрелять, и который… нечистоплотен, никогда не стрижет волосы, но, как идиот, завивает их"[186]. Когда Фридриха схватили при попытке бегства из Пруссии, отец заключил его в замок Кюстрин и заставил смотреть на казнь Ганса Германа фон Катте, друга принца, который помог спланировать побег. Отрубленную голову и тело фон Катте оставили у окна камеры[187]. Фридрих провел в заточении два года.

Все же Фридрих не мог позволить себе отвергнуть страсть отца к военному делу. Получив полк (после того, как его освободили из Кюстрина), он стремился развить военные навыки. Они были необходимы: Фридрих желал компенсировать уязвимое географическое положение Пруссии. За время своего правления Фридрих увеличил численность армии с 80 тысяч до 195 тысяч человек, сделав ее третьей в Европе. К концу его царствования (1786) Пруссия стала самой милитаризованной страной в мире: один солдат приходился на 29 пруссаков[188]. И, в отличие от отца, Фридрих был готов послать солдат не только на плац, но и на войну. Через несколько месяцев после коронации в 1740 году он ошеломил мир, отняв у Австрии богатую Силезию. "Старый Фриц", с трудом державшийся в седле и предпочитавший звук флейты грохоту сапог, проявил себя как художник и в управлении государством.

Как объяснить это преображение? Одну подсказку можно обнаружить в "Анти-Макиавелли" – ранней работе Фридриха по политической философии, одном из многих королевских опровержений знаменитого трактата "Государь" Никколо Макиавелли. Фридрих защищает право монарха вести превентивную войну[189]: "Если бы безмерная сила какого-либо государства угрожала всему миру, разумным стал бы поступок государя, который стремился бы удержать течение этой реки". Иными словами, ради поддержания "мудрого равновесия сила одних монархий сдерживается силой других… Разумение требует того, чтобы малое зло предпочитать большому и, вместо неизвестного, избирать известное, поэтому было бы гораздо лучше, чтобы государь, коли это в его воле, вступал в жестокую войну для снискания лавровой ветви, нежели дожидался опаснейших времен, когда объявление войны может лишь на несколько минут отсрочить его рабство и падение"[190]. Позднее Фридрих называл соседнюю Польшу "артишоком, предназначенным для того, чтобы его съели лист за листом". Так и про изошло: Польшу поделили между собой Австрия, Пруссия и Россия[191]. Таким образом, захват Фридрихом Силезии не был импровизацией. Пруссия, воплощавшая власть, основанную на безжалостном рационализме, явилась зеркальным отражением слабеющей Османской империи.

Фридрих Вильгельм I выжимал деньги из подданных и оставил своему наследнику 8 миллионов талеров. Сын воспользовался этим богатством не только для расширения территории королевства, но и для обустройства его столицы. Одним из первых величествен-

[186] Chakrabongse *Education of the Enlightened Despots*, pp. 52f.

[187] Fraser *Frederick the Great*, pp. 29f.

[188] Clark *Iron Kingdom*, p. 215.

[189] Пер. Я. Хорошкевича. – *Прим. пер.*

[190] Frederick *Anti-Machiavel*, ch. 26.

[191] Clark *Iron Kingdom*, p. 231.

ных зданий, украсивших центр Берлина, стала Опера. Рядом возвели величественный собор Св. Ядвиги.

С точки зрения нелюбопытного туриста эти два здания мало чем отличаются от оперных театров и соборов в других европейских столицах. Но отличия есть. Для Северной Европы необычным было то, что Берлинская государственная опера не была связана с королевским двором и работала для удовольствия не монарха, а публики. Собор не обычен, поскольку это католическая церковь в лютеранском городе, построенная королем-агностиком, и не на окраине, а на самой большой площади города. Портик собора повторяет Пантеон – храм всех богов[192]. Этот собор – памятник религиозной терпимости Фридриха Великого.

Либерализм указов, изданных им после коронации, поражает и сегодня: они провозглашают не только религиозную терпимость, но и неограниченную свободу печати и открытость страны для иммиграции. В 1700 году фактически почти каждый пятый житель Берлина был французом-гугенотом и жил во французской "колонии". Были также зальцбургские протестанты, вальденсы, менониты, шотландские пресвитериане, евреи, католики и открытые скептики. Фридрих провозгласил: "Здесь каждый может искать спасения таким образом, который представляется ему наилучшим" (даже мусульмане)[193]. Правда, и в Османской империи к иудеям и христианам относились "терпимо", но их статус был ближе к статусу евреев в средневековой Европе (ограничение передвижения и занятий, повышенные налоги)[194].

Благодаря соединению свободы и терпимости к иностранцам в Пруссии начался культурный бум, отмеченный основанием читательских и дискуссионных обществ, книжных лавок, журналов, научных обществ. Хотя сам Фридрих утверждал, что предпочитает писать на французском, и презирал немецкий язык, стали множиться публикации на немецком языке. В правление Фридриха Иммануил Кант, исследовавший в "Критике чистого разума" (1781) природу и границы разума, стал, вероятно, самым великим философом xviii века. Кант, всю жизнь проведший в университете Альбертина в Кенигсберге, вел жизнь еще более строгую, чем его король. Философ выходил на ежедневную прогулку в одно и то же время, так что горожане сверяли по нему часы. Для Фридриха не имело ни малейшего значения, что великий мыслитель был внуком шотландца-седельника. Значение имел его ум, а не обстоятельства рождения. Не сильнее Фридриха беспокоило и то, что Моисей Мендельсон – интеллектуал, почти равный Канту – был евреем. Христианство, сардонически заметил король, "полное чудес, противоречий и нелепостей, порождено лихорадочным воображением жителей Востока… Христианство придумали фанатики, используют интриганы, а верят в него дураки"[195].

В этом сама суть Просвещения, ставшего продолжением научной революции. Имелись, правда, два отличия. Во-первых, круг философов был шире круга ученых. То, что случилось в Пруссии, происходило по всей Европе: книгоиздатели, владельцы журналов и газет удовлетворяли спрос, растущий благодаря повышению уровня грамотности. Во Франции доля мужчин, умеющих написать собственное имя (достаточное свидетельство грамотности), увеличилась с 29 % (в 80-х годах xvii века) до 47 % (в 80-х годах xviii века). Аналогичный показатель для женщин (увеличение с 14 % до 27 %) был заметно ниже. Однако уже к 1789 году в Париже грамотность среди мужчин достигала около 90 %, среди женщин – 80 %. Конкуренция протестантских и католических институтов, рост социальной защиты,

---

[192] Ibid., pp. 241f.

[193] Haffner *Rise and Fall of Prussia*, pp. 37, 43f.

[194] Gerber Jews and Money-Lending. Также см.: Quataert *Manufacturing and Technology Transfer*.

[195] Clark *Iron Kingdom*, p. 187.

высокая степень урбанизации и развитие транспорта – все это в совокупности увеличивало грамотность европейцев. Просвещение распространялось не только через чтение. Столпами общественной жизни xviii века являлись подписные концерты (такие, как концерт Моцарта в Вене в 1784 году), народные театры и художественные салоны, не говоря уже о разветвленной сети культурных обществ и братств (наподобие масонских). Немецкий поэт и драматург Фридрих Шиллер заявил в 1784 году:

Я пишу в качестве гражданина мира, не служащего никаким государям. Публика теперь для меня все – моя наука, мой повелитель, мой защитник. Я принадлежу теперь ей одной. Перед этим и не перед каким-либо иным судом я предстану. Лишь ее я боюсь и ее уважаю. Чувство величия возникает во мне при мысли, что… единственный трон, к которому я взываю, – душа человека[196].

Во-вторых, главной заботой мыслителей Просвещения было не естественнонаучное знание, а то, что шотландский философ Давид Юм назвал "наукой о человеке". В какой степени Просвещение имело отношение к науке, вопрос спорный. Эмпиризм, особенно во Франции, был непопулярен. Ученые xvii века желали знать, какова природа. Философов xviii века сильнее интересовало, каким может (или должно) быть общество. Выше мы цитировали суждение Монтескье о влиянии географии на политическую культуру Китая и Кенэ – о примате сельского хозяйства в экономической политике Китая, а также Смита – о том, что причиной застоя в Китае явилась недостаточно развитая внешняя торговля. При этом ни один из этих троих в Китае не бывал. Джон Локк и Клод Адриан Гельвеций соглашались в том, что человеческий разум напоминает чистую доску и формируется благодаря образованию и опыту. Ни у первого, ни у второго не было экспериментальных данных на этот счет. Их догадки – плоды раздумий и в значительной степени – чтения.

Просвещение легко побеждало суеверия, связанные с религией или метафизикой. Фридрих Великий в приведенной выше цитате кратко выразил то, что тоньше излагали Вольтер, Юм, Гиббон и другие. Сильнейшим оружием Просвещения была ирония – вспомним захватывающий рассказ Гиббона о раннем христианстве (том I, глава 15 "Истории упадка и разрушения Римской империи") или повесть "Кандид", где Вольтер осмеял тезис Лейбница "Все к лучшему в этом лучшем из миров".

Но, возможно, крупнейшим достижением той эпохи стал анализ взаимодействия институтов гражданского общества (в "Теории моральных чувств") и рыночной экономики (в "Богатстве народов"), предпринятый Адамом Смитом. В отличие от многих трудов того времени, обе эти работы опираются на наблюдения за шотландскими буржуа, за которыми Смит наблюдал всю жизнь. Но если "невидимая рука рынка" действовала в условиях общепринятой практики и взаимного доверия, то радикально настроенные франкоязычные философы бросали вызов не только государственной церкви, но и самому государству. Жан Жак Руссо в "Общественном договоре" (1762) усомнился в законности любой политической системы, не основанной на "общей воле". Маркиз де Кондорсе подверг сомнению законность несвободного труда в "Размышлениях о рабстве негров" (1781). И если сам прусский король высмеивал христианство, то что мешало парижским писакам бранить своих короля и королеву? Влияние Просвещения простиралось очень широко: от разреженного воздуха кантовских высот разума до исторгавшего пасквили чрева Парижа, которые печатал, например, "Газетье куирассе" Шарля Тевено де Моранда. Даже Вольтера потрясли свирепые нападки де Моранда на правительство – это одна "из тех злобных работ, что доводят до исступления всех, от монарха до последнего гражданина"[197].

[196] Blanning *Culture of Power*, pp. 108f.

[197] Darnton *Literary Underground*, p. 25.

Ирония не вполне предугаданных революционных потрясений, вызванных Просвещением, заключалась в том, что оно было делом аристократов. Среди его лидеров были барон де Монтескье, маркиз де Мирабо, маркиз де Кондорсе, барон де Гольбах. Все философы более низкого происхождения в той или иной мере зависели от королевского или аристократического патронажа: Вольтер – от маркизы дю Шатле, Смит – от герцога Баклю, Шиллер – от герцога Вюртембергского, Дидро – от Екатерины Великой.

Фридрих Великий не только предоставлял интеллектуалам свободу от религиозных и других ограничений. Вольтер получил гораздо больше, нежели комнату в Сан-Суси. В июне 1740 года Фридрих, находясь под впечатлением от доказательства Мопертюи гипотезы Ньютона о том, что Земля есть сфера, сплюснутая на полюсах, пригласил француза в Берлин, чтобы помочь организовать прусский эквивалент Королевского общества. Проект оказался под угрозой срыва (когда Мопертюи, сопровождавший короля во время Первой Силезской войны, позорно попал в австрийский плен), однако в итоге был реализован[198]. В январе 1744 года Фридрих учредил Королевскую академию наук, объединившую Прусское королевское научное общество и открывшееся годом ранее негосударственное Берлинское литературное общество, и убедил Мопертюи занять пост президента академии – "самое большое завоевание в моей жизни", как признавался король Вольтеру[199].

Фридрих, без сомнения, был оригинальным и серьезным мыслителем. Его "Анти-Макиавелли" – примечательно революционный документ[200]:

Благоденствие народа… государь обязан предпочитать всем прочим выгодам… Если бы государи могли представить те беды, которые уготованы народам объявлением войны, то они были бы более ответственны в принятии решения о том, следует ли начинать ее или нет. Однако воображение их не простирается так далеко, чтобы увидеть будущие несчастья народа. Как можно государям не понимать, какие бедствия несет с собой война: народ угнетается налогами, страна лишается многих молодых людей, неприятельский меч и пули пожирают народ толпами, раненые, лишившиеся своих членов, единственного средства для добычи пропитания, гибнут в нищете, и, наконец, скольких полезных граждан теряет государство. Государи, считающие подданных своих рабами, без всякого милосердия используют их в войне и лишаются их без сожаления, напротив, государи, считающие граждан равными себе и являющиеся душой народного тела, берегут жизни своих подданных[201].

Другие политические труды Фридриха тоже не были работами дилетанта. Несомненной ценностью обладают и его музыкальные сочинения. Особенно известен его безмятежный концерт для флейты до мажор, который отнюдь не является пастишем из сочинений Иоганна Себастьяна Баха.

Между Просвещением, как его понимал Фридрих, и научной революцией имелось важное различие. Лондонское Королевское общество было центром открытой интеллектуальной сети. Прусская Академия, напротив, задумывалась как иерархическая структура, построенная по модели абсолютной монархии. В "Политическом завещании" (1752) Фридрих заметил: "Как Ньютон не смог бы создать свою систему тяготения, если бы сотрудничал с Лейбницем или Декартом, так и политическую систему невозможно создать и сохранить, если ее не породил один ум"[202]. С этим свободный дух Вольтера смириться не мог. Когда Мопертюи

---

[198] Terrall *Man Who Flattened the Earth*, pp. 181–185.

[199] Aldington (ed.) *Letters of Voltaire and Frederick the Great*, p. 179.

[200] Пер. Я. Хорошкевича. – *Прим. пер.*

[201] Frederick *Anti-Machiavel*, pp. 400–405.

[202] Terrall *Man Who Flattened the Earth*, p. 235.

стал злоупотреблять служебным положением и возвеличивать собственный принцип наименьшего действия, Вольтер сочинил безжалостную "Диатрибу доктора Акакия, папского лекаря". Дерзости Фридрих не снес. Он приказал уничтожить тираж брошюры и дал Вольтеру понять, что тот более не является желанным гостем в Берлине[203].

Другие ученые оказались меньшими строптивцами. Иммануил Кант (он стал астрономом прежде, чем философом) впервые привлек к себе внимание в 1754 году, когда написал для конкурса Прусской академии наук работу о замедлении вращения Земли под воздействием приливного трения вод Мирового океана. В программном эссе "Что такое Просвещение?" (1784)[204] Кант призвал всех "иметь мужество пользоваться собственным умом" – и при этом повиноваться королю, поскольку

> только тот, кто, будучи сам просвещенным, не боится собственной тени, но вместе с тем содержит хорошо дисциплинированную и многочисленную армию для охраны общественного спокойствия, может сказать то, на что не отважится республика: *рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!* Так проявляется здесь странный, неожиданный оборот дел человеческих, да и вообще они кажутся парадоксальными, когда их рассматривают в целом. Большая степень гражданской свободы имеет, кажется, преимущество перед свободой духа народа, однако ставит этой последней непреодолимые преграды. Наоборот, меньшая степень гражданских свобод дает народному духу возможность развернуть все свои способности[205].

В общем, просвещение Пруссии касалось свободы мысли, а не свободы действий. При этом свободная мысль была поставлена преимущественно на службу государству. Подобно тому, как иммигранты способствовали притоку налогов в казну (что позволяло содержать большую армию, способную завоевать большую территорию), знания могли пригодиться на войне. Ведь наука нового типа была способна на большее, нежели объяснение природы и "расколдовывание" небесных тел. Она могла предопределить возвышение и падение земных держав.

Современный Потсдам – пригород Берлина, запыленный летом, мрачный зимой, с горизонтом, закрытым уродливой гэдээровскими многоэтажками. При Фридрихе Великом большинство жителей Потсдама были солдатами и почти все постройки имели военное назначение. Здание нынешнего Музея кино было сначала оранжереей, а затем конюшнями. В центре города мы видим сиротский приют, плац и бывший манеж. На углу Линденштрассе и Шарлоттенштрассе стоит ощетинившаяся скульптурами Старая караульня.

Потсдам был и Пруссией в миниатюре, и карикатурой на страну. Георг Генрих фон Беренхорст, адъютант Фридриха, однажды заметил – лишь отчасти в шутку: "Прусская монархия – это не государство, которое располагает армией, а армия, у которой есть государство, куда она время от времени возвращается"[206]. Армия перестала быть просто инструментом династической власти. Она слилась с обществом. Ожидалось, что землевладельцы станут офицерами, а крестьяне заменят наемников. Пруссия стала армией, и армия стала Пруссией. К концу царствования Фридриха более 3 % населения состояло на военной службе: в 2 раза больше, чем во Франции и Австрии.

---

[203] Shank *Newton Wars*, p. 475; Fraser *Frederick the Great*, p. 259.

[204] Пер. Ц. Арзаканяна. – *Прим. пер.*

[205] Kant *What is Enlightenment?*

[206] Clark *Iron Kingdom*, p. 215.

Муштру справедливо считали рецептом прусских военных успехов. В этом отношении Фридрих был истинным наследником военных гениев xvii века Морица Оранского и шведского короля Густава II Адольфа. Прусские пехотинцы в синих мундирах, похожие на заводных солдатиков, делали 90 шагов в минуту, замедляясь до 70 шагов при приближении к врагу[207]. В декабре 1757 года Пруссии угрожал союз трех великих держав: Франции, Австрии и России. При Лейтене прусская пехота, держа строй, внезапно атаковала южный фланг австрийцев, построенных в длинную линию, и опрокинула его. Затем, когда австрийцы попытались перестроить фронт, они столкнулись кое с чем гораздо более опасным, чем стремительно наступавшая пехота: с артиллерией. Точность артиллерийского огня была столь же важна для возвышения Пруссии, как и легендарное "кадавроподобное повиновение" ее пехоты[208].

Рост "производительности" ратного труда: ручное огнестрельное оружие (РОО) французской пехоты, 1600–1750 гг.

Примерная дата	Выстрелов в минуту на единицу РОО	Единиц РОО на пехотинца	Выстрелов в минуту на пехотинца	Результат
1620	0,5	0,4	0,2	1 выстрел в мин. (РОО с фитильным замком); 0,5 осечки
1700	0,67	1	0,67	1 выстрел в мин. (РОО с кремневым замком); 0,33 осечки; пики заменены штыками
1750	2	1	2	3 выстрела в мин. (РОО с кремневым замком, шомполом и бумажным патроном); 0,33 осечки

Фридрих долго не любил артиллерию, требовавшую непомерных расходов[209], однако позднее оценил ее по достоинству: "Исход войны… будет решать артиллерийская дуэль"[210]. При Лейтене у пруссаков было 63 полевых орудия, 8 гаубиц и 10 12-фунтовых "ворчунов", *Brummer* (прозванных так из-за зловещего грохота). Конная артиллерия, которую организо-

[207] Ibid., p. 195.

[208] Palmer *Frederick the Great*, p. 102.

[209] Bailey *Field Artillery*, pp. 165ff.

[210] Duffy *Frederick the Great*, p. 264.

вал Фридрих, стала стандартом для армий Европы[211], а позднее – ключом к успеху Наполеона.

Бенджамин Робинс мог рассчитывать только на себя. Не имея возможности учиться в университете, он самостоятельно изучил математику и зарабатывал на кусок хлеба как частный преподаватель. В возрасте 21 года уже избранный членом Королевского общества Робинс поступил на службу в Ост-Индскую компанию в качестве артиллерийского офицера и военного инженера. В начале 40-х годов xviii века он применил ньютоновскую физику в баллистике. Робинс использовал дифференциальные уравнения, чтобы описать влияние сопротивления воздуха на траекторию снаряда (проблема, которую не смог решить Галилей). В "Новых основаниях артиллерии", изданных в Англии в 1742 году, Робинс на основании собственных наблюдений, закона Бойля, а также предложения XXXIX из книги 1 ньютоновских "Начал" (толкующего о движении тела под влиянием центростремительной силы) вычислил дульную скорость снаряда. Затем, используя собственный баллистический маятник, он показал, что сила сопротивления воздуха может в 120 раз превосходить силу тяжести от веса снаряда, а это совершенно искажает параболическую траекторию, предложенную Галилеем. Робинс установил, что вращение вылетающей из мушкета пули отклоняет ее от намеченной линии. Трактат "О природе и преимуществах оружия с нарезным стволом", который он представил Королевскому обществу в 1747 году (и в том же году получил медаль Копли), рекомендовал придавать пулям яйцеобразную форму и делать нарезы в стволах. Сам Робинс высоко оценивал научное и практическое значение своей работы: "Государства, которые обстоятельно изучат природу и преимущества нарезного оружия, упростят и усовершенствуют его конструкцию, вооружат им армии… достигнут превосходства"[212]. Чем точнее и эффективнее артиллерия, тем менее ценны сложные укрепления и даже вымуштрованная пехота.

Всего через 3 года Фридрих Великий приказать перевести "Новые основания артиллерии" на немецкий язык. Леонард Эйлер, сам превосходный математик, исправил некоторые расчеты Робинса, присовокупив свои таблицы, дающие значение дульной скорости для орудий различного калибра в зависимости от относительного веса снаряда и длины канала ствола[213]. В 1751 году появился французский перевод. В то время были, конечно, и другие великие новаторы, например Йозеф Венцель фон Лихтенштейн и Жан Батист Грибоваль, но именно Робинсу принадлежит честь быть зачинателем революции xviii века в баллистике. Наука, это "приложение-убийца", дала Западу смертельное оружие. (Довольно удивительный поворот для Робинса, родившегося в семье квакеров.)

Турки пропустили Робинсову революцию в баллистике, как и открытие Ньютоном законов движения. Турецкие пушки xvi века, изготовленные на литейном заводе Топхане в Стамбуле, могли на равных состязаться с современной европейской артиллерией[214]. В xvii веке ситуация стала меняться. Уже в 1664 году габсбургский стратег Раймондо Монтекукколи, разбивший османскую армию при Сен-Готарде, отметил: "Громоздкие орудия [турок] причиняют при стрельбе сильный урон, однако их трудно перевозить и они требуют слишком много времени для перезарядки и прицеливания… Нашу артиллерию удобнее транспортировать, и она эффективнее"[215]. В следующие 200 лет разрыв увеличивался по мере того, как на Западе в заведениях вроде Вулиджской военной академии (открыта в 1741 году) совершенствовались теория и практика. В 1807 году, когда эскадра Джона Дакуорта вошла в Дар-

[211] Kinard *Weapons and Warfare*, pp. 157f.

[212] Steele *Muskets and Pendulums*, pp. 363ff.

[213] Ibid., pp. 368f.

[214] Agoston *Early Modern Ottoman and European Gunpowder Technology*.

[215] Coles *Ottoman Impact*, p. 186.

данеллы, турки еще пользовались старинными орудиями, швырявшими огромные каменные ядра в общем направлении судов противника.

Путешествия эпохи Танзимата

Герои романа Монтескье “Персидские письма”[216] – двое мусульман, направляющихся через Турцию во Францию. Один из них, Узбек, замечает: “С удивлением убеждался я в слабости империи османлисов… Турки до такой степени забросили все искусства, что пренебрегли даже искусством военным. В то время как европейские народы совершенствуются с каждым днем, эти варвары коснеют в своем первобытном невежестве и надумываются применять новые изобретения европейцев только после того, как эти изобретения уже тысячу раз применялись против них”[217].

Поездки для изучения причин явно растущего военного превосходства Запада предпринимались и на самом деле. В 1721 году Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди, назначенный послом в Париж, получил инструкции “разузнать о средствах цивилизации и образования во Франции и сообщить о тех, которые можно применить [в Османской империи]” и с восторгом описывал французские военные школы и плацы.

Турки к тому времени поняли, что должны учиться у Запада. В 1732 году Ибрагим Мутеферрика (чиновник, родившийся в Трансильвании в семье христиан) представил султану Махмуду I свои “Основы мудрости в устройстве народов”. В этом трактате Мутеферрика дал ответ на вопрос, который с тех пор часто посещал мусульман: почему “христиане, бывшие [некогда] презренным народом, сравнительно малочисленным по отношению к мусульманскому населению и ничтожным и слабым по природе и характеру, с некоторых пор распространились по свету, захватили множество стран и даже стали явно побеждать победоносную османскую армию Высокой Порты”[218]. Ответ Мутеферрика был обширным: он упомянул парламентскую систему Англии и Голландии, христианскую экспансию в Америке и на Дальнем Востоке. Он даже отметил, что, в то время как Османская империя подчиняется законам шариата, у европейцев есть “законы и правила, найденные разумом”. Но прежде всего туркам следовало догнать Европу в военном деле:

> Пусть мусульмане поступают дальновидно и глубоко ознакомятся с новыми европейскими приемами, организацией, стратегией, тактикой и ведением войны… Все мудрецы мира согласны в том, что народ Турции превосходит все остальные народы в следовании правилам и порядку. Если они изучат новые военные науки и будут в состоянии применить их, ни один враг никогда не может противостоять этому государству[219].

Послание было недвусмысленным: если Османская империя желает быть великой державой, она должна принять и научную революцию, и Просвещение. Не случайно именно Мутеферрика открыл в 1727 году первую в Османской империи типографию, а год спустя издал первую книгу, набранную арабским шрифтом – “Словарь Ван-кулу” (*Ванкулу люгаты*). В 1732 году Мутеферрика напечатал “Действия магнетизма” (*Фуюзат-и мыкнатисие*) – компиляцию из нескольких английских и латинских работ[220].

2 декабря 1757 года турецкий чиновник и дипломат Ахмед Ресми-эфенди отправился в Вену, чтобы объявить о вступлении на султанский престол Мустафы III. Его миссия сильно отличалась от порученной в 1683 году Кара Мустафе. Ресмиэфенди сопровождали более 100

---

[216] Пер. под ред. Е. Гунста. – *Прим. пер.*

[217] Montesquieu *Persian Letters*, Letter XIX.

[218] Пер. Ю. Каменева. – *Прим. пер.*

[219] Mansel *Constantinople*, pp. 185f.

[220] Shaw *History of the Ottoman Empire*, pp. 236–238.

военных и гражданских официальных лиц, и его задача состояла не в том, чтобы осадить столицу Габсбургов, а чтобы учиться там. После 153-дневного пребывания в Вене он представил детальный (и восторженный) отчет объемом более 245 рукописных страниц ин-фолио[221]. В 1763 году Ресми-эфенди отправили с дипломатической миссией в Берлин. Пруссия впечатлила его еще сильнее, чем Австрия. Хотя посла несколько смутил "пыльный, поношенный" королевский мундир, он одобрил страсть, с которой Фридрих посвящал себя государственным делам, отсутствие у монарха религиозных предрассудков, а также многочисленные свидетельства экономического прогресса Пруссии[222].

Прежде тон записок османских послов о Европе был насмешливым. Комплекс превосходства препятствовал турецким реформам. Восторженные отзывы Ресми-эфенди ознаменовали собой сильную – и болезненную – перемену, однако не все в Стамбуле были столь же восприимчивы к западному влиянию. Явная и неявная критика Ресми-эфенди турецкой административной системы и армии, вероятно, стали причиной того, что этот талантливый чиновник так и не стал великим визирем.

В Стамбул приглашали западных советников. Клод Александр де Бонневаль занимался реформированием корпуса *хумбараджи* (бомбардиров). Франсуа де Тотта, француза венгерского происхождения, пригласили руководить постройкой новых защитных сооружений столицы. Де Тотт с изумлением увидел, что многие укрепления на Босфоре не только устарели, но и просто были неправильно расположены, так что вражеское судно находилось бы вне досягаемости даже современных орудий ("Скорее руины после осады, чем приготовления к обороне"). Он основал артиллерийское училище (*Сюр'ат топчулары оджайи*) по образцу французского *Corps de Diligents* и военно-инженерную школу (*Хендесхане*), в которой шотландец Кэмпбелл Мустафа учил кадетов математике. Де Тотт построил новый литейный завод и способствовал развитию полевой артиллерии. Однако вновь и вновь реформы наталкивались на политическое противодействие, не в последнюю очередь янычар. В 1807 году они даже добились роспуска армии "нового образца" (*Низам-и джедид*), созданной под руководством французского генерала Обера-Дюбайе. Казалось, что турецкая армия служит прежде всего для обогащения и удобства ее командиров. Она не справлялась даже с восстаниями в империи[223]. Лишь в эпоху Танзимата ("упорядочение") – при Махмуде II и Абдул-Меджиде I – правительство смогло противостоять оппозиции.

11 июня 1826 года на плацу около главных янычарских казарм 200 солдат появилось в униформе европейского образца. Два дня спустя около 20 тысяч янычар собрались с криками: "Мы не хотим военных упражнений неверных!" Они опрокинули котлы для плова[224] и угрожали пойти на дворец Топкапы. Махмуд II сумел овладеть положением и объявил: или янычар перебьют, или по руинам Стамбула будут бродить кошки. Султан заручился поддержкой артиллерийского корпуса и других ключевых армейских частей. Когда артиллеристы повернули пушки против янычар, погибли сотни человек. 17 июня янычарский корпус был распущен[225].

---

[221] Lewis *What Went Wrong?*, p. 27.

[222] Aksan *Ottoman Statesman*.

[223] Reid *Crisis of the Ottoman Empire,* pp. $9-64.

[224] Котел – один из символов янычар. Опрокидывание котлов было символическим жестом, призывом к неподчинению и мятежу. – *Прим. пер.*

[225] MANSEL *Constantinople,* pp. *2}γ*ff.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.